

Воспоминания

**об Александре Филипповиче - отце Знаменского Виталия,
записанные по просьбе его сына Сергея**

В советское время у простых людей, живущих в городах, не было стремления заниматься генеалогическим деревом. Во время диктатуры пролетариата принадлежность к нетрудовому классу, мягко говоря, не приветствовалась. А чуваш Александр Филиппович, рождения 1893 г., не был «из простых», хотя формально таковым числился. Он был грамотным человеком (5 классов церковно-приходской школы) и умел учиться самостоятельно. Мне приходилось в анкетах писать о своем происхождении «мать домохозяйка, отец – служащий». Это отражало социальное положение на момент моего рождения, и позволяло не касаться социальных корней родителей. Со стороны матери они были положительными: дочь политического ссыльного крестьянина Якова Воотинова. Социальное положение моего папы до революции так и осталось для меня неизвестным («из крестьян»). Ради нашего спокойствия и семейной безопасности родители что-то утаивали от детей до нашего совершеннолетия. Совершеннолетие же наступило в тяжкие военные годы, когда я служил в армии и жил вдали от семьи, а в октябре 1944 г. отца не стало. Поэтому воспоминания будут такими, какими запомнились фрагменты моей жизни, как то связанные с их оценкой родителем. Я пытался представить образ отца через моё восприятие его отношения к событиям жизни. Кроме того, я использовал документы, хранившиеся в Красноярском краевом архиве (из личного дела члена коммунистической партии Знаменского А.Ф.).

Отец отличался аккуратностью. Был всегда чисто выбритым. На службу он ходил в костюме при галстуке. Ботинки всегда были начищены. Для чтения он одевал очки-пенснэ в позолоченной оправе на цепочке. Пенснэ хранил в жёстком футляре с крышкой на пружинках. Я иногда забавлялся тем, что открывал и закрывал крышку футляра. Она с какого-то момента вдруг начинала двигаться сама и захлопывалась с со странным стуком.

У нас было полное собрание энциклопедического словаря «Гранат», старинная толстенная книга кулинарных рецептов, книги по бухгалтерскому учёту и научной организации труда, а также История КПСС (краткий курс) и несколько научно-популярных книг. Художественную литературу отец брал из библиотеки. Эти книги мне были недоступны («Ты ещё многое в них не сможешь правильно понять, - говорил он, - поэтому не спеши»). Зато я рано стал читателем детских книг из той же библиотеки.

Кажется в 1941 г. отец начал было писать автобиографию с целью показать истину. Я видел первый лист рукописи на развернутом тетрадном листе. Но рукопись не была продолжена. Война сделала важными другие заботы.

Мне представляется следующая череда событий. В составе войск адмирала Колчака казак Александр Знаменский добрался до г. Омска. Что произошло дальше, воспроизводится из редких рассказов мамы. Где-то по пути в Новосибирск, произошла размолвка с казачьими чинами, закончившаяся поркой. Получив 25 шомполов на спину, истерзанный казак очнулся на дне колодца. Заботливые деревенские старушки выходили его. Излечили не только раны (шрамы остались на всю жизнь). Излечили от кровавого кашля – туберкулёза. Он писал письма для крестьян, сочинял для них прошения к властям. Заработок позволил рассчитаться со старушками и купить билет на проезд по железной дороге до станции Новосибирск. Не хватило денег на дорогу в родной город Канаш, что находится в Чувашии (мама её называла «Чувашляндией»). Впрочем, я уверен, что он на родину не стремился.

На станции Новосибирск он оказался в толпе зевак, окруживших милиционера, задержавшего вора.

- Есть кто грамотный? – спросил милиционер, очевидно, не умеющий писать.

Александр протолкался к милиционеру. Он помог составить протокол. Милиционер не отпустил его. Так он стал работником милиции. Там его приняли в партию большевиков. Затем партия направила его в село Туруханское для работы в редакции районной газеты.

В селе проживал политкаторжанин крестьянин Яков Вотинов с женой и шестнадцатью детьми. Его дом был расположен на окраине села и служил местом встречи политических ссыльных. Клава Вотинова, средняя дочь Якова, была свидетельницей жизни ссыльных Якова Свердлова с женой, будущего главы нового государства рабочих и крестьян, Сурена Спандарьяна, и священника хирурга Воино-Ясенецкого. Её воспоминания хранятся в Красноярском краеведческом музее.

В те годы расшалились медведи, угрожая корове и другой живности. Надо было поднять стену хлева. Яков Вотинов был крепким мужчиной. Он на своих плечах перетаскивал заготовленные им брёвна из леса. Однажды, переходя ручей по перекинутым через него брёвнам, он поскользнулся и с бревном на плече сел верхом на настил... Позвоночник был переломан в нескольких местах. Когда его нашли, в нем не было признаков жизни.

Клавдия (она родилась в 1903 г.) встретила с Александром Знаменским и они женились. Первый ребёнок умер, не прожив нескольких месяцев. Александр был членом Союза воинствующих безбожников. Девочку не крестили. Клава усмотрела причину её смерти в безбожии мужа. Следующим ребёнком был мальчик. Он выжил, получив крещение. Имя ему было дано в честь проезжего циркача Виталия Лазаренко.

Виталий – значит живучий. Вот так и выживаю до сих пор, преодолевая десяток болезней. Но следующая девочка была нечаянно отравлена аптекарем, давшим лошадиную дозу стрихнина. Крещение не помогло. Остальные дети: Альбина (1929г.), Евгений (1934г.) и Лев (1939 г.), не были крещёными, как это стало обычным у большинства населения..

В 1927 году по партийному призыву большевик Александр Знаменский был направлен на организацию колхоза в деревню Дрокино под Красноярском и стал счетоводом колхоза.

Воспоминания о событиях, происходивших много десятилетий тому назад, давно уже отражают мгновения только моей жизни. Вероятно, эти события выделялись из обыденности, создавая приметные узелки на пряди памяти, или, наоборот, повторялись в воспоминаниях столь часто, что составляли памятные образы. Но и узелки можно объединять по какому-то признаку, чтобы не возвращаться к каждому неоднократно. Такое объединение разрывает хронологию. Только пусть это считается авторским художественным приёмом.

Узелок 1. Револьвер

Дома не было ни кого. Отец с друзьями на дворе под окнами обсуждали, как забить кабана, который стал злым и опасным. Удивительная тишина поселилась между словами неспешно разговаривающих друзей. Я помню стены конюшни, которые снаружи и изнутри были гладко оструганы и светились смолистой желтизной. В отдельном загоне жил кабан. Он был так раскормлен, что сев не мог стать. А став на ноги двигался стремительно на меня. Кабан был в чёрных пятнах и сильно выделялся на фоне стен. Его шерсть была прямой и, наверное, колючей.

Большой письменный стол был постоянным объектом моих детских исканий. Он стоял у окна. На нём красовалась керосиновая лампа со стеклянным абажуром. Но главное: там находились книги, к которым мне не разрешалось притрагиваться. Отец был подписчиком на издание энциклопедии Гранат. Издатели договаривались посылать подписчику готовые книжные блоки отдельно от крышек. Подписчик сам мог переплестать книгу, включая выполнение «золотого» тиснения букв и рисунков. Всё необходимое поступало по почте. Так было дешевле. Я узнал об этом уже достаточно взрослым, рассматривая переписку отца с издателями, которую он переплёл в отдельный том. На столе

часто лежали удивительно необычные вещи, необходимые переплётчику и мне. Но для меня они были под запретом.

Стол был высок, а на табурет я ещё забираться не умел. Или был предупреждён не делать этого? Я неуверенно попытался открыть дверцу тумбы. Обычно она была на замке. На этот раз дверца открылась свободно. За нею скрывались выдвижные ящики. В верхних ящиках лежали какие-то исписанные листы бумаги. Ни каких картинок. Нижний казался пустым. Но в самом дальнем пространстве его лежал револьвер системы Наган. Я взял его и почувствовал себя богатырем. Барабан легко вращался со щелчками. В его гнёздах сияли медью патроны. Их было немного три – четыре. Остальные гнёзда были пустыми. Я заглянул в дуло. Потом понажимал на спусковой крючок. Он легко перемещался, но немного. И тут я разглядел курок. Тот располагался сразу за барабаном. Я попытался его оттянуть на себя. Силенок то мало, а всё-таки, сжав наган коленями и прижав рукоять к груди, я сдвинул курок с места, но не удержал его. Выстрел раскромсал тишину и звоном застрял в ушах. Револьвер вырвался из моих ног и ударил меня в грудь. Я счёл это предварительным наказанием за проказу. Оглушённый я лежал на полу и покорно ждал заслуженного окончательного приговора.

Отец возник сразу. Он дергал меня за руки и ноги, повторяя:

- Здесь больно?

Я молчал. Наконец показал ему на грудь. Он поднял подол рубашки и осмотрев пробормотал: «Это и синяка не оставит».

Папа напоил меня водой и уложил в постель, наказав не вставать. Вскоре раздались выстрелы. Я понял, что кабана забили. Я был уверен, что стреляли в грудные соски. Это было настолько убедительным, что запомнилось надолго.

Отец вернулся, забрал меня из постели. Сел у стола и усадил меня на свои колени. Он стал разбирать наган, объясняя названия деталей. Каждую деталь давал мне подержать в руках. Одни были нагретыми, другие – холодными. Оказалось, что прутик с шишечкой, торчащий под стволом, это шомпол. Стержень для очистки ствола. Папа говорил, говорил и всё время обращался ко мне, понимаю ли я, о чём идёт речь. На столе лежали детали самых различных форм. Они матово блестели, смазанные маслом, извлекаемым из бутылочки. Звон в ушах постепенно утих. Я стал задавать вопросы. Казалось, что в корпусе оружия не уместится столько разных предметов. Но папа очень быстро собрал наган. Дал его мне подержать, пока убирал бутылочку с маслом и доставал тряпочку. В неё он завернул наган и положил свёрток в тот же нижний ящик стола. Он опустил меня на пол, закрыл дверцу и протянул мне ключ:

- Будешь хранить? – спросил он.

- Нет – ответил я.

- Почему?

- Не интересно.

Теперь я уже знал устройство нагана, а стрелять мне уже не хотелось. Тут пришла мама. Она сразу же спросила:

- Кто стрелял?

Папа объяснил, что забили кабана, как она и просила. Это была правда: они стреляли последними. Мама не стала продолжать разговор, видя меня в полном здравии.

Больше никогда в наших жилищах не хранили огнестрельного оружия.

Узелок 2. Угрозы

Мне было почти пять лет. Солнечный день. Какая-то посторонняя тетя, которой я безусловно доверяю, ведет меня вдоль дороги, идущей в гору. Деревянные дома со сплошными заборами из крупных почерневших листовенных пластин забираются на холм. Белые резные наличники на окнах и струганные сосновые детали высоких ворот придают постройкам праздничный вид. Что-то в этом для меня было новым, потому, что я рассматривал с любопытством. Вдруг из переулка выбегает несколько лошадей с повозками. На полном скаку головная пара развернулась перед нами и сшибла нас. Я скатился под колеса и слежу, как на меня замедленно надвигается лошадиная нога и переплетение спиц колес и деталей телеги. Что-то проходит по моим ногам и разрезает кожу колена левой ноги... Непонятный крик и удаляющийся хохот ездовых мне еще ни о чем не говорит. Больно ногу и, почему-то, стыдно плакать. Какие-то мужики и бабы торопливо поднимают меня и несут прочь. Потом я оказываюсь дома с окровавленной тряпкой на ноге. Папа стоя выслушивает объяснения очевидцев. А на лице у него незнакомое выражение. Такое, что впору реветь.

Через много лет мама объясняла, что в это время она была в городе Красноярске. Родила Алю. Наезд на меня был только деталью многого другого, что делалось с целью запугивания. Сводились житейские счёты. Не нравилось богатеям, что счетовод колхоза (это - мой папа) обнаружил расхищение колхозной собственности. Богатеи хорошо устроились: безвозмездно присваивали урожай, выращенный коллективным трудом на участках земли, которые они продолжали считать своей собственностью. Эти счёты в 1929 году закончились не в пользу отца. Было созвано открытое партийное собрание. Слушали персональное дело большевика Знаменского А. Ф., обвиняемого в том, что в гражданской войне он активно выступал на стороне Колчака во главе казачьего отряда с криком: «Бей красных». Обвинителями были подставные лица, которые в жизни своей не покидали деревни и которые встречать отца в Омской области не могли. Открытое партийное собрание ячейки ВКП(б) постановило: исключить Знаменского А. Ф. из рядов членов партии большевиков за активное выступление против Советской власти в период гражданской войны.

Двадцать лет спустя, в 1950 г., я руководил строительством водопровода для животноводческой фермы в деревне Дрокино. Многие свидетели и участники описанных событий были еще живы. Хозяйка квартиры рассказывала, что крестьяне правильно поняли происшедшее. Это понимание облегчило последовавшее затем раскулачивание богатеев. Но не было основания пересматривать персональное дело отца. Он завербовался на новостройку. Уехал в Кемеровскую область строить Новокузнецкий металлургический комбинат. Жена с двумя детьми временно оставалась в Дрокино. Жители деревни несколько месяцев помогали нам выжить и проводили в дальнюю дорогу.

Свое хорошее отношение к отцу они перенесли на меня, помогая молодому специалисту. Почти никогда больше не пришлось работать в столь доброжелательной атмосфере, какая в том году окружала меня в деревне Дрокино.

Узелок 3. Новокузнецк. Жилища

Мама утверждала, что мы приехали в Новокузнецк весной 1931 года. На поезде. Мы – это мама, я и малютка Аля. Аля была еще грудничком. Отец встречал нас прямо у вагона. Мне вручил игрушку: великолепную огромную модель паровоза. Из жести. Занятый игрушкой я ничего не замечал вокруг. От игрушки отвлекся только на время, когда пришлось забираться на сиденье тарантаса. Вокруг была вода. Лошадь брела по брюхо в воде. Папа стоял на облучке, а мама устроилась на корточках на задней скамейке, и как то визгливо смеялась, то ли радуясь приключению, то ли испуганно. Она держала мою сестру на руке, а другой рукой держалась за край кошовки. Мне пришлось самостоятельно задирать ноги, избегая воды, просочившейся сквозь прутья. Кошовка – это большая корзина из ивовых прутьев, размеры которой сравнимы с внутренними размерами легковушки Оки. Только у неё не было верха. А сиденьями были скамьи из досок. Без спинок. Кошовка крепилась к дрогам – палкам, соединяющим шасси возка. Поэтому возок назывался дрожками, чтобы отличать его от грузовой телеги.

Мы устроились на ночлег на полу просторного полуподземного барака, используя все вещи, которые у нас были. Все вновь прибывшие устроились тоже на полу головами к стене. У противоположной стены на топчанах расположились старожилы. Мало того, что у них были топчаны (деревянные помосты-кровати). У них были еще и дерюжки, использованные как одеяла. Дерюжка – это домотканое покрывало, по конструкции точно соответствующее нашим тряпичным половикам, только шире их и не намного длиннее топчана. У нас таких вещей не было. Утром отец обнаружил, что его волосы примерзли к стене. Таким было первое пробуждение после приезда.

Барак был устроен так, как позже, а может быть и тогда, строили картофелехранилища. Помещение получалось погружённым в землю до половины высоты стен, гладко струганных изнутри здания. После устройства потолка из толстых деревянных пластин всё сооружение

обкладывали землей, оставляя доступ света к окнам, а сверху покрывали дёрном. Пол настилали из струганных досок очень плотно. Когда осенью в бараке установили печи, то мы не мёрзли и в морозы. Позднее нам отгородили комнату, что позволило установить два топчана, стол вплотную между ними и что-то вроде шкафа у входа, рядом с кроватью. Мы жили там довольно долго. Район бараков назывался Нижняя колония. Была ещё Верхняя колония для начальства и иностранных специалистов. Там были нормальные деревянные дома.

При жизни в бараке мне запомнилось два момента. Санитарная уборка и вечерние чтения.

В сибирских селениях раз в году проводилась большая уборка. Мыли не только окна и полы. Тщательно песочили струганные деревянные стены. Обычно для этой работы собирались соседи и каждый дом совместно убирали по очереди.

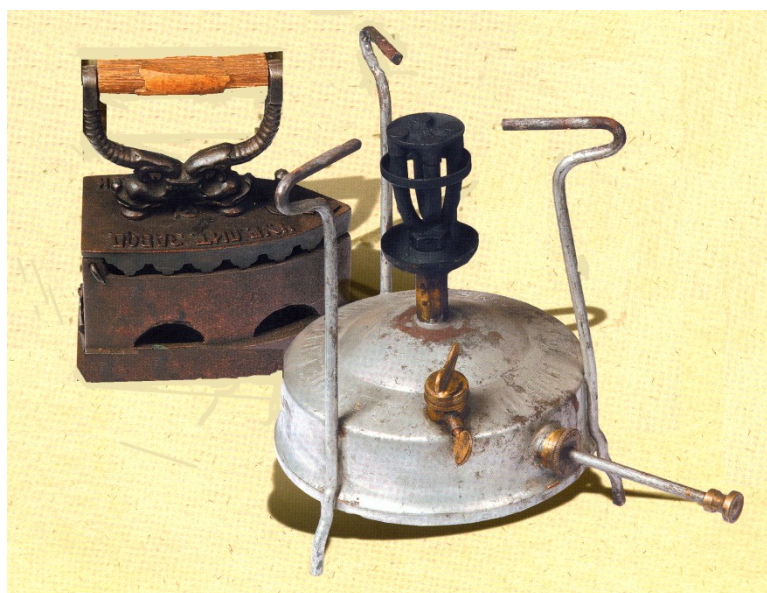
В бараке все семейные традиционно боролись за чистоту помещения. Наверное, поэтому через некоторое время одиноких жильцов у нас не стало – перешли в другие жилища. А семейные женщины убирали помещение сообща. Нас, детей, выгоняли на улицу под присмотром части мужиков. Другие мужики подносили песок и воду. Чистый речной песок рассыпался по грязному полу. Босые женщины, подоткнув подола юбок за пояса, бросали на пол голики (связки из голых берёзовых прутьев) и наступив на них растирали песок, пока не проглядывала желтизна сосны. Затем, песок смывали водой, которую с полу собирали большими тряпками вместе с песком. Мужики только успевали принести воду и утаскивать вёдра с грязной отработанной смесью. Также обрабатывали и струганные нештукатуренные стены. После уборки барак внутри становился праздничным: все искрилось и пахло лесом.

Барак освещали керосиновыми лампами. Наиболее сильная лампа – тридцати линейная – висела под потолком. Линия – это русская единица длины, составляющая 2,54 мм (0,1 дюйма). Значит, огонёк у такой лампы был шириной около 7,5 см. Для чтения книги отцу ставили под лампой стол и на него водружали стул. И ещё он поднимал книгу, чтобы приблизить её к лампе. Многими зимними вечерами отец читал с артистическими интонациями «Тихий дон» Шолохова. К столу приходили жители соседних бараков. Сидели на скамейках или на полу. Я не помню, чтобы утихомиривали ребятишек. Слушали все.

Новокузнецк стал городом Сталинском в 1932 г. В следующем году отцу выделили комнату с подселением в двухкомнатную квартиру в кирпичном доме. Эти 32-х квартирные дома размещались двумя рядами, сгруппированными по 5 домов в ряду. Между группами стояли котельные, которые отапливали ближайшие к ним здания. Все дома образовывали Социалистический город (Соцгород). Как я теперь ориентируюсь, эти дома располагаются между улицей Энтузиастов и проспектом Пионерским.

Соседка оказалась несовместимой для наших родителей. По настоянию матери в 1934 году отец построил собственный дом с каркасно-обшивными стенами в Нижней колонии на берегу фенольной реки Аба, заросшей зеленой ряской. Её называли ласково: Абушкой. Между двумя щитами дощатой обшивки и на потолок мы с отцом засыпали шлак, которого было много везде: у котельных, и на производственных объектах. Власти не только мирились с самостроем, но и помогали застройщикам. У нас получилась кухня больше, чем комната в кирпичном доме, и ещё одна такая же комната с полатами. На кухне мы сложили из кирпичей печь-плиту с обогревателем, встроенным в перегородку между комнатами. К достаточно большим сеням приделали «стайку», где, затем, помещались корова и свинья. Я пишу «мы», так как отец постоянно привлекал меня к строительству и часто подчёркивал весомость моей помощи, хотя, как я теперь понимаю, вес её от 8-ти летнего ребёнка был ничтожным. Но строительство велось в период школьных каникул, а за мной ещё надо было присматривать.

А вот эти предметы (паровой утюг и примус) были обычными во многих семьях. Утюг загружали горящим древесным углём и разогревали, раскачивая его взмахами вытянутой руки. Он не остывал долго. Утюг непаровой приходилось греть и подогревать на плите варочной печи. Примус наполняли керосином. Создавали внутри него давление при помощи насоса (справа) и поджигали тонкую струю вверх. На синем пламени, образовавшемся вокруг форсунки, варили пищу.

Узелок 4. Папина работа

На стройке было много земляных работ. Экскаваторов наверное не было. Автотранспорта точно не было. Котлованы под заводские объекты были глубокими. Землю разрабатывали вручную и перевозили на телегах, в которые были запряжены лошади.

Когда мы приехали, папа работал бригадиром женской бригады землекопов. Он организовал работу бригады так, что объём земли, вынудой из котлована за месяц, не уступал объёму, вынудому мужчинами из другого котлована. Нередко женская бригада занимала первое место, а землекопы получали премии. Хитрость состояла в том, что женщины обрушивали землю в котлован, на его дно. Оставалось погрузить разрушенную породу на телеги. У них телеги передвигались по дну котлована. Мужчины - же копали целик - плотную землю и бросали её вверх, на край котлована. Телеги передвигались по поверхности земли вдоль края котлована.

Мужики пытались опротестовать результаты замеров объёмов работ. Для обмеров в котловане оставались столбы нетронутой земли. Высота столба закрепляла глубину котлована. До тех пор, пока эти столбы стоят, можно проверить правильность подсчёта объёма вынудого грунта. Ни одна из проверок не изменила объёмов выполненных работ.

Помню, что на стройке работала Вера - младшая сестра мамы. Обед работающим выдавали по талонам. Вера ходила к общему котлу с двумя кастрюлями (для супа и чая) и глубокой суповой миской для второго. Однажды она вернулась в слезах и без второго блюда. Оказывается, к ней подошёл не русский мужик и спросил, что дают на обед. Она показала кашу, а он сунул в миску свой немытый палец и облизав его сказал: «Якши!». Опешившая было Вера пришла в себя и выплеснула всю кашу в его лицо. Оба завизжали. Она от гнева, а он от неожиданности и боли. Каша была ещё горячая. К тому же, свидетели намяли виновнику бока. Ну, а наша компания осталась без второго блюда.

Не русских на стройке было много. Где они жили - я не знаю. Однажды мы со сверстниками наблюдали между ногами людей, как они забили и разделявали лошадь прямо рядом с котлованом. Ноги были обуты в лапти, кожаные чувяки, в вязанные носки с нашивками тонкой кожи на подошвы, в обмотки тряпичные и ни во что. (Наши сибиряки так не обувались: наши мужчины носили кожаные сапоги). Люди освобождали кишки от вонючего содержимого и делили их между собой. Антисанитария была ужасающая. Но не только в месте разделки. При таком количестве людей малейшая зараза превращалась в эпидемию.

Я подхватил сыпной тиф и лежал в женском отделении больницы (в мужском отделении места не было). Когда я начал выздоравливать, меня поместили к мужчинам в палату выздоравливающих. Я спросил соседа по койке: «Когда отпустят домой?»

- Вон видишь гвоздь? - он показал на стену над кроватью. - Вот, когда его вытащишь, тут тебя и отпустят.

Много ночей я крутил этот неподатливый изогнутый гвоздь. Днём крутить стеснялся. Был очень слабым. Сосед всё замечал и похваливал моё усердие. Не помню, выдернул ли я этот гвоздь до того, как меня

выписали, или оставил в стене. Но отец доставил меня домой, и этой заботы не стало.

Постепенно мужики переняли метод женских бригад, но к тому времени женщины были переведены на более лёгкие работы. Об этом позаботился мой папа, которого неоднократно избирали председателем женского совета. У нас хранился большой лист стенной газеты. На всю высоту листа с левой его стороны был изображён папа в платочке, фартуке и юбке и держащим в руке щит с надписью «Бессменный председатель женсовета А. Ф. Знаменский».

Он приходил с работы весёлый. На улице мама поливала ему холодной водой на руки и на шею и спину. А он поощрял её своим смехом и только извивался, когда вода попадала под брючный ремень.

- Видишь, Клаша, - говорил он жене, утираясь полотенцем, - у меня опять появились мышцы.

- Ой уж! Далеко до тех, что были раньше.

- А я доведу и до тех!

Мама объяснила мне, что папа в молодости по утрам играл полупудовыми гирями (по восемь килограммов каждая) и обливался ледяной водой. Это помогало ему поддерживать своё здоровье, с трудом восстановленное после порки и пребывания в колодце.

Ещё мне запомнилась многополосная газета «Правда» с докладом И. В. Сталина на съезде партии. Газету мой папа прикреплял к длинному щиту, чтобы можно было всем почитать. Я не помню, чтобы около щита собиралось много чтецов, но часто 5-6 слушателей подходили, а кто-то грамотный читал текст доклада вслух (вероятно, это был 1934 г.).

Узелок 5. Как отдыхали

Среди строителей было много молодёжи. Вечером на пустыре собирались любители петь и плясать и играть. Пели песни «По Дону гуляет», «Есть на волге утёс», «Стенька Разин», «Ермак», «Славное море», «Распрягайте хлопцы коней», «Раскинулось море широко» и множество других. Пели с танцами: «Коробейники», «А мы просо сеяли», «Эх, яблочко!» и другие. Интересным был танец «Коробейники». Он состоял из восьми фигур, каждая продолжительностью в один куплет песни. Чередованием фигур руководил один из танцоров, объявляя, например: «Фигура пятая, братание». Остальные исполняли эту фигуру, одновременно обсуждая выбор, сделанный ведущим. Иногда ворчали на него за нарушение последовательности. Танцевали под балалайку, гармошку, а то и под тра-ля-ля. Играли в «Третий лишний», в фантики, в испорченный телефон, в догонялки, в жмурки, в лапту, в городки и в волейбол.

Отец и мама иногда играли в команде лаптёжников. А папа был ещё и волейболистом. Остальные взрослые и дети болели за исход игры. Подражая взрослым, мы тоже играли в лапту и городки, если биты и городки оставались после игры взрослых.

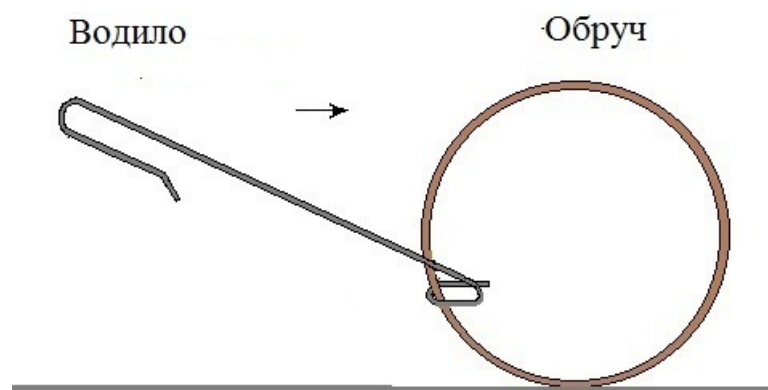
Помню, в больнице меня удивили игрушки, которыми обладали больные девочки. Цветные фишки вставлялись в отверстия пластины, образуя разноцветные геометрические рисунки. Были гуттаперчевые куколки голыши («пупсики»). И другие невиданные мной игрушки. У нас таких игрушек не было.

Аля играла куклами. Для неё мама сшила несколько тряпичных кукол. На тканевых лицах каждой куклы были нарисованы чернилами особенные глаза, нос и рот. Волосы были из ниток. Гораздо позднее отец вылепил голову для одной из кукол из папье-маше, а мама раскрасила её «как настоящую» и прикрепила к туловищу, набитому ватой. К нему тоже были прикреплены руки и ноги, сшитые в виде сосисок. Но кукла не понравилась сестре и как-то незаметно исчезла. У Али было множество разноцветных лоскутов, иголка и нитки. Мама учила её самой обшивать своих кукол. Были также самодельные куклы животных (кони, зайцы разных размеров и белка). Они были тряпичными, набитыми сухими опилками. Хвост у белки был натуральным.

В канун нового года мы вырезали из цветной бумаги кружевные салфетки и цепочки для ёлки. Иногда из газетной бумаги складывали шляпы, кораблики, самолёты и лягушек (теперь такое заделье называют оригами). Натиранием смесью ртути с золой ненадолго превращали «медные» двушки в «серебряные» гривенники (десять копеек). В то время не были известными ядовитые свойства ртути. Делали бусы из ягод шиповника и боярки. Делали ежей из теста и колючек боярышника или игл хвои ёлки.

В бараке мы устраивали танец кукол. Брали обычные новые ковыльные кисти для побелки. Выделяли пряди ковыля, изображая «руки под бока». Для этого навязывали пояс. Окутывали ниже пояса лоскутом цветной ткани – длинной юбкой, или одевали в наспех сшитый сарафан. Повязывали косынку. Ставили широкой частью на лист нетолстой фанеры и выбивали на нём дробь пальцами или кулаками. Куклы вращались и перемещались по листу, сталкиваясь между собой или кружась одна вокруг другой. Иногда куклам присваивали разные имена, которыми пользовались для восторженного объяснения их движений.

По примеру мальчишек я изготовил себе водило для управления качением деревянного обруча от бочки. Описывать это трудно, поэтому даю рисунок.

Беганье с обручем требовало координации движений. Деревянный обруч допускал управление при вращении его только в одну сторону. Вращению обруча в другую сторону мешал стык концов. Виражи выполнялись наклоном обруча. Мы бегали по извилистым тропинкам и по бездорожью. Но деревянных обручей было мало, а потом они исчезли совсем, так как бондари стали применять металлические обручи на заклёпках. Заклёпки мешали управлению: колесо останавливалось. Немногие пытались катать металлические литые кольца. Но усилия водителя резко возрастали из-за тяжести колеса, вдобавок возникал визг: смесь звона со скрипом. Звук довольно неприятный и громкий.

Зимой я ходил по снегу на самодельных лыжах. С горки мы катались на лыжах и на покупных санках - точной модели обычных крестьянских саней. Некоторые отчаянные головы, сидя на санках, цеплялись проволочными зацепами за сани проезжающих возков. О самом лучшем, что при этом происходило, можно прочесть в сказке «Снежная королева». Разбитых носов и вывихнутых рук было множество.

По речному льду мы катались на деревянных коньках, привязанных к валенкам. Металлические снегурки родители купили нам, когда мне было лет десять. Их тоже привязывали к валенкам.

У детей бытовала еще и опасная игра, от участия в которой меня заранее отговорил отец. Название её я не помню, а суть знаю от одноклассника, который в этой игре был пострадавшим.

На территории выполнялось много газосварочных работ. Для нагрева свариваемых деталей и плавления заполнителя шва применялась горючая смесь ацетилена с кислородом. Ацетилен получался в реакторе, где с водой реагировал карбид кальция. Газосварщик прерывал процесс, когда давление газа становилось недостаточным, и остатки карбида выбрасывал. В серо-белом порошке остатка содержался комковатый материал. При хранении на воздухе он продолжал медленно реагировать с влагой из воздуха, рассыпаясь в порошок кальция. В игре использовался этот остаточный процесс образования горючего газа - ацетилена.

В дне высокой консервной банки пробивали небольшое отверстие. В глинистой почве проделывали цилиндрическое углубление

(ямку) с расчётом, чтобы в него плотно входила банка. Карбид бросали на дно ямки, поливали водой и закупоривали её банкой вверх дном. По истечении некоторого времени к отверстию подносили факел и, если угадан момент, получали оглушительный выстрел. Банка вылетала в воздух, иногда на десятки метров. Побеждал тот, чья банка улетела выше всех. Когда играющих собиралось много, то грохот был потрясающим. Если момент не угадан, а взрыв запоздал, то любопытствующий игрок, наклонившийся над банкой, получал по физиономии. Так мой одноклассник лишился половины уха.

Со временем, когда взрослые поняли, что играющий может стать калекой, игры пошли на убыль, а когда город обустроился, то места для этой игры не стало вообще.

Город рос. За десять лет построили театр имени Эйхе и кинотеатр, городской сад. Невдалеке от нашего дома возник стадион. Городки и волейбол переселились на стадион. К ним добавились крокет, теннис и футбол. Около моста через реку Томь возникла водная станция, где можно было взять напрокат байдарку или лодку. В магазинах можно стало покупать игрушки. Все это уже городское. Вначале-то была «дерёвня».

Мне папа купил картонную фотокамеру «Октябрёнок», аристотипную бумагу и закрепитель. Бумага была малочувствительная, но зато изображение возникало без проявления. Надо было только закреплять его на бумаге, выдерживая снимок в растворе гипосульфита. Неделью я увлечённо фотографировал. Потом попал под дождь и камера расклеилась. Мы с Алей и мамой использовали оставшуюся фотобумагу для копирования на просвет. От солнечного света она темнела тем больше, чем выше интенсивность освещения. Изображение было видно без проявления. Увлечение было недолгим. Оно прервалось, как только кончилась фотобумага.

Узелок 6. НОТ

В стране создавалась нормативная документация. Нужны были данные о затратах времени на выполнение станочных массовых работ (точение, сверление и подобных). Для получения таких данных привлекли практически всех грамотных людей, создав институт нормировщиков.

На столе отца появились брошюры, в названии которых крупно выделялось слово НОТ.

- Папа, что означает НОТ? – спросил я.

- Вспомни, я рассказывал, почему женщины-землекопы вырабатывали больше земли, чем мужчины?

- Помню, отвечал я. – Они обрушивали землю вниз, а не кидали не-
верх.

- Верно. Так вот, у женщин применялась научная организация труда – НОТ. Это такая организация, при которой достигается большой результат при меньших затратах труда.

- Если всё это есть в книгах. То что Вы делаете на работе?

Мы, дети, всегда обращались к родителям на Вы, в знак уважения, не меньшего, чем к другим взрослым.

- Я нормировщик. В книгах по НОТ не рассказывается о том, как работать. В них пишут, как наблюдать и обрабатывать результаты наблюдений выполнения работы. Это мой инструмент. Мы, нормировщики, помогаем накоплению знаний о затратах времени на каждую работу. Одну и ту же деталь разные рабочие обрабатывают разное время. Кто-то делает это быстрее всех. Нормировщик изучает его работу и находит причины быстрого действия. Чаще всего, они заключаются в особых движениях рабочего. Он по-своему держит инструмент в руках. Если другого рабочего обучить такому приёму, то этот обученный тоже станет быстрее выполнять работу. Это называется повышением производительности труда и очень важно для нашего государства. Научно обоснованные нормы и учебники к ним скоро будут созданы и труд нормировщиков завершится.

Действительно, наступил момент, когда институт нормировщиков был упразднён, а отец уволен по сокращению штатов. Отец пытался устроиться на работу в системе Новокузнецкого металлургического комбината или в городе, но ему всюду отказывали. Мама говорила ему, что причина этому известное всем его правдолюбие, что он подставлялся при каждом конфликте. Но это произносилось спокойно, как описание факта, который ей был приятен, как были приятными дамам сердца подвиги рыцарей, выполненных в их честь. «Теперь, - объясняла она, - тебе мстят за твою честность». Правда, было и существенное основание для отказов: он не имел документа о соответствующем образовании для поступления на учётно-финансовую работу.

Отец поступил на курсы бухгалтеров, которые располагались, кажется в г. Кемерово. Наступил второй период жизни в отсутствии главы семьи.

Узелок 7. Без отца

У нас не было денежных накоплений. Для снаряжения отца на учёбу продали корову. Пустили на проживание пятерых крестьян, обучавшихся на курсах трактористов и шофёров. Крестьяне заняли наши «двухэтажные» койки. Я переместился на полати в комнате, а мама с Алей и с маленьким Женей устроились на кухне.

Квартиранты были разного уровня сообразительности и способностей. Один из них разбирался в тексте учебника быстрее остальных. Он стал как бы их наставником. Другим надо было заучивать наизусть непонятное, чтобы сдать экзамен. Особенно много времени было потрачено на процесс зажигания топлива в двигателе автомобиля. Некото-

рые слова и целые понятия повторялись ежедневно очень много раз. С тех пор понятия трамблёр, угол опережения зажигания, жиклёр, карбюратор и прочие слова из учебников для этих ребят стали для меня в ряд обычных слов.

Мама экономила на всём. За 3-4 месяца отсутствия папы были проданы некоторые вещи. Я ходил в школу обутым, одетым и, главное, сытым. Квартиранты помогли забить кабана. Овощи были консервированы с осени. Покупали только хлеб, молоко, пшено, чай, соль и сахар.

Папа посылал письма практически еженедельно. В маминых ответах непременно содержался лист с отпечатком ступни или ладошки малыша Жени или каракули Али. А я к обычным словам «Папа, я скучаю» добавлял другие слова под диктовку мамы.

К концу папиной учёбы к нам стал приходить чуваш Казанов. В Новокузнецке было много чувашей. Раз в год они собирались на природе на свой национальный праздник. Отец там играл на скрипке. А остальные подпевали и плясали. Запомнились начальные слова песни, которая называется «Низенький орешник». Я помню слова, но не хочу оскорблять чувашей неточной передачей слов. Прошло ведь восемь десятков лет. В этой среде Казанов выделялся назойливостью, какой-то прилипчивостью к некоторым разговорным темам. Отец говорил, что таких людей надо сторониться. Но праздник был для всех, не только чувашей, а и для других пришедших людей любой национальности.

Казанов приносил по дешевой конфетке «Дунькина радость» и вручал по одной штуке мне, Але и Жене. Он всегда выпивал стакан чаю с собственным куском сахара. Расспросы об отце выглядели, как проявление заботы. Он у меня каждый раз спрашивал, где находится мой отец и когда вернётся. Но эти сведения были мне неизвестны. Также отвечала ему и моя мама. Наверное, у родителей были причины держать язык за зубами.

Квартиранты уехали до возвращения отца. Он вернулся похудевшим, но полным надежд. Он не только отлично завершил учёбу. Он принял предложение Кемеровской областного финансового органа и приехал уже в должности районного бухгалтера – ревизора. Эта должность вводила отца от сомнительной опеки служб Новокузнецкого комбината и властей города Сталинск.

Узелок 8 Дом технического творчества

Дом технического творчества (ДТТ) в г. Сталинске создан был металлургическим комбинатом. В нём кроме технических кружков были и музыкальные. Мама привела меня в этот дом, чтобы меня обучили игре на скрипке. Нужно сказать, что я на балалайке умел играть несколько русских народных песен. Но музыкальная грамотность была нулевой.

Не были мне понятными вопросы экзаменатора, который, как я теперь думаю, добивался, чтобы я голосом воспроизвёл главный звук,

издаваемый фортепиано. Но я впервые видел фортепиано и слышал не один звук, а сразу несколько в разных октавах и не знал, который из них воспроизводить. Я не мог произнести столько звуков сразу. Звук, который я старался пропеть, оказался внутри октавы. Я чувствовал, что не могу издать даже два слышимых звука одновременно, но не понимал, что этого от меня не требуют. Нужно было повторять только самый громкий звук. Музыкоглухих не обучают игре на скрипке.

Когда отец вернулся с работы, мама рассказала ему о нашей неудаче. Он достал скрипку, и я точно воспроизвёл каждый звук, так как они были по одному. Папа хотел сам встретиться с экзаменатором, отпросившись для этого с работы. Для меня самого не было ясно, кем бы я хотел быть, но совершенно точно - не музыкантом. В этом я убедил отца.

Заключение об отсутствии у меня музыкального слуха ни как не повлияло на меня. Я не прекратил петь песни и играть на балалайке.

Мы с мамой обошли другие комнаты в доме. Мне понравилось в механическом кружке и столярном кружке. В механический меня не приняли - туда принимали школьников не прежде пятого класса. Меня приняли в столярный кружок. Я какое-то время его посещал, пока руководитель не убедился, что моих силёнок недостаточно для того, чтобы пользоваться рубанками, пилами и перемещать столярные изделия. Столярный кружок выполнял заказ на изготовление транспарантов для праздничной демонстрации. Я вырубал стамеской из листа фанеры какую-то фигуру, а передвигать заготовку приходилось кому-то из более сильных ребят. Мне совершенно правильно рекомендовали подрасти, а потом приходить. Я признавал справедливость совета, и у меня в памяти не осталось сожалений от расставания с Домом технического творчества.

Узелок 9. Страшный сон

- Папа, - позвал я из постели, - мне надо сказать...

- Спи, сынок. Уже поздно, - отец занялся своими служебными бумагами. - Завтра поговорим.

Я не смел мешать его работе. У нас всегда работа была важнее быта. Но то, о чём я хотел сказать, не было бытом. Это было событием.

А дело было так. Вечером, после выполнения домашних заданий, я взял книжку и залез на полати. Там я любил читать, пользуясь светом, поступающим из высокого окна, доходящего почти до потолка. Оттуда мне была видна большая часть комнаты: этажерка с книгами, круглый стол и родительская кровать.

Казанов появился незванным почти сразу после приезда отца. Вёл себя шумно и преувеличенно радостно. Отец был равнодушен и не скрывал, что не рад встрече. Но Казанов настойчиво искал дружбу, и не было месяца, чтобы он не приходил. На этот раз Казанов принёс бутылку водки и селёдку. Распорядился, чтобы мама принесла квашёную

капусту и солёные огурцы. «Отпраздновать получку» - объяснил он. Но папа сказал, что пить не будет, и мама не пошла за соленьями, оставаясь на кухне.

Они говорили на чувашском языке. Прислушиваться было бесполезно. Но, когда раздался стук книжки, упавшей на пол, я выглянул из своего убежища и увидел, что папы нет, а Казанов вложил какую-то бумагу в книжку, вернул её на этажерку, а сам поднял с пола упавший том энциклопедии, открыл его и сел за стол. Пришёл папа. Они ещё говорили допоздна. Наконец отец сказал:

- Поздно уже. Мне ещё работать надо. Извини.

Казанов ушёл.

Я не мог уснуть, не рассказав о своих наблюдениях, и потихоньку начал плакать. Отец подошел ко мне:

- Что с тобой? Плохой сон?

Тут я ему и рассказал. Он подошел к этажерке. Взял подсказанную мной книжку и разыскал вложенный лист. Он развернул лист и побледнел. Мельком взглянув на меня, он сложил лист и вынес его в сени. Вернулся с пустыми руками и погладив меня по голове прошептал: «Спасибо, сынок. Теперь спи».

Утром нас разбудил стук в двери.

- Отворяйте! Обыск.

Вошли трое. Незнакомец был в чёрном кожаном пальто и чёрной шляпе. Двое были нашими соседями. Соседей папа пригласил проходить и устраиваться на стульях. Незнакомец показал папе бумаги и начал заглядывать под матрасы. Потом залез на полати до пояса. Там всё перерыл и приступил к этажерке.

- Сознаться добровольно, что получил запрещённое письмо? – повторял незнакомец. – Где оно?

Он брал в руки каждую книгу за край переплёта и потрошил все листы, вытряхивая закладки на пол. На пол со стуком падали просмотренные книги. Мне казалось, что им больно от прикосновения к полу, и они вскрикивают. Наконец досмотр дошел до полки, где стояла искомая книга. Отец отвечал, что все письма подшиты в папку, и достал её из ящика стола. Но незнакомец не стал смотреть папку, а долго тряс и постранично пролистал все книжки, снятые им с нижней полки. Наконец, убедившись, что письма он не найдёт, незнакомец отпустил понятых и пригрозил отцу, что ещё вернётся.

После этого меня долго тревожили одинаковые сны, в которых некто в чёрном кожаном пальто и чёрной шляпе врывался в дом и стрелял в моего папу из нагана. Папа стоял неподвижно, как тогда при обыске. Когда заряды кончились и враг ушел, папа стал извлекать из глаз гильзы от нагана. Таким в моём представлении были результаты выстрелов. Но всё равно мой папа должен превратиться в мёртвого, подобно тому, как была мёртвой лошадь, которую забили на краю

котлована. Я просыпался с рёвом. Успокаивал меня лишь вид живого папы.

Узелок 10. Школа в г. Сталинске

В школу меня не приняли в 1932 г., так как до семилетия не доставало 2,5 месяца (79 дней). Учёба в школе началась с 1933 г. В классе я был самого маленького роста. Учёба давалась легко. Трудным было только правописание, где надо было рисовать палочки, чтобы они были наклонными или <<попиндикулярными>>, и овалы. Эти трудности и сохранились в памяти. А читал я с четырёх лет и до поступления в школу знал счёт до ста и обратно, а также владел сложением и вычитанием в пределах первого десятка чисел. Поэтому учёба в начальной школе не оставила воспоминаний. Помню только, что на родительские собрания всегда приходил отец и, затем, обстоятельно рассказывал маме о том, что происходило на собрании. Я часто при этом присутствовал.

Я окончил начальную школу с похвальной грамотой. Грамоты были стандартными по всей стране размером развёрнутого тетрадного листа. На следующей странице показаны мои первые грамоты в уменьшенном виде.

В средней школе учёба тоже не вызывала напряжения. Основные воспоминания относятся к моему классному руководителю Ивану Николаевичу Королёву, который был озабочен моим трудным вхождением в коллектив класса. К моменту моего прихода в среде учеников были <<выдающиеся>> математики, историки, поэты, писатели и биологи. На классных собраниях после уроков он заставлял этих <<специалистов>> докладывать о своих работах. А слушатели становились критиками или сочувствующими. Равнодушным долго оставался только я. Иван Николаевич подолгу беседовал с моим папой, оставляя его после родительского собрания.

Предмет история был мне неприемлем для дополнительных занятий. Я не любил заучивать. Поэзию я любил, но не видел у себя признаков способностей к самостоятельному применению рифмы. А писателей я считал много знающими учителями. Себя же видел незнайкой, не имеющим права кого-то чему-нибудь учить. Иван Николаевич был математиком. Его урок проходил как песня, из которой ничего нельзя выкинуть и всё имеет смысл. Я думал, что у меня нет математических способностей. Я отказывался от участия в математическом кружке, чтобы не позориться перед таким Учителем. Оставалась – биология, которую мы ещё не изучали.

Узелок 11. Лезвие бритвы

Учитель биологии вначале ознакомил меня с огромным количеством растительных экспонатов, которые находились в кабинете биологии. В прилегающей комнате, вдоль стен стояло много клеток разного размера. Их заселяли мыши, хомяки, кролики, еж, несколько видов птиц, змеи и ящерицы. А посередине пола на небольшой тумбочке располагался аквариум с мелкими рыбками. У клеток возились школьники, которые, как я узнал впоследствии, ухаживали за животными. Другие ухаживали за растениями. Всех их называли юннатами. Юными натуралистами. Меня привлекли не растения, не животные, а инструменты и приборы. Особенно микроскоп, реостаты и механизмы неизвестного назначения. Учителю стало ясно, что из меня не получится юннат. Ради проверки моего характера он поручил мне изготовить личный инструмент для будущего изучения строения растений. Для этого он вручил мне ржавый металлический предмет.

После некоторого времени оказалось, что это - режущая деталь опасной бритвы. Я дочистил её до матовой черноты. Учитель похвалил меня и показал, как сделать лезвие пригодным для дела. Для этого нужно стачивать стороны лезвия до тех пор, когда остриё станет невидимым. Мой оселок из песчаника был слишком крупным. Остриё получалось рваным. Надо было использовать чугунную плоскость, такую, как плита у нашей печи.

Подготовив уроки, я собрался побродить по окрестностям в надежде найти чугунный обломок плиты. Но тут пришёл отец и, таинственно улыбаясь, извлёк из портфеля великолепный чугунный брусок. Ещё неделю я точил бритву. Наконец учитель сказал, что надо довести лезвие на ремне. И опять отец (как он знал, что мне потребуется?) принёс ремень и помог прикрепить к косяку двери. Вскоре мой инструмент был признан годным.

Меня научили делать тонкие срезы веток, листьев и других частей растений и рассматривать их под микроскопом. Со временем я уже знал строение растений вплоть до строения клеток. Затем мы со старшеклассником изготовили устройство, позволяющее удерживать лягушку или мышь, пока её изучают. Мы закоптили цилиндр и собрали прибор, регистрирующий деятельность сердца подопытной мыши.

Когда всё было готово, учитель усыпил мышь хлороформом и уложил в наше устройство. Затем он специальным ножиком (скальпелем) разрезал кожу мыши и вскрыл грудную клетку, обнажив сердце. Он прицепил к её пульсирующему сердцу тросик, который стал перемещать рычаги прибора так, что конец одного из них стал соскребать копоть с вращающегося цилиндра. Этот след называется кардиограммой, и он был последним, что я наблюдал в этом кружке. Я перестал посещать занятия кружка потому, что мне была неприятна хирургия. К тому же и учитель биологии покинул школу.

Узелок 12. Иван Николаевич

Королёв отличался от других учителей-мужчин своим аккуратнейшим внешним видом. Его пышные серые волосы были коротко острижены и разделены пробором на большую часть причёски. Усов и бороды он не носил. На ослепительно белую рубашку одевал синий френч (пиджак с накладными карманами). Перед подходом к классной доске на руки одевал чёрные сатиновые нарукавники, чтобы не пачкать мелом одежду. Синие галифе у него были заправлены в мягкие белые фетровые сапоги с кожаными союзками и задниками. (Мама объяснила, что это не сапоги, а бурки – обувь обеспеченных мужчин). Серые глаза в тёмных ресницах никогда не были равнодушными. Они внимательно смотрели на собеседника, выдавая его сочувственное отношение к смыслу речи говорящего. Соврать ему было невозможно: он видел каждого из нас наполненными добром и справедливостью. А урок его был, как представление на сцене: содержательно, логично и насыщенно. Это был педагог от Бога.

В классе я подружился с Владом Ивановым, не подозревая в нём родственника Ивана Николаевича. Но он приходился Королёву племянником. Иван Николаевич жил в том же деревянном доме, где жила семья Влада (в верхней колонии). Меня Влад пригласил на свой день рождения. Нас оставили вдвоём. Мы провели половину дня в разговорах, игре в шашки (Влад выиграл большую часть партий) и каких-то других делах. Мы бы нашли занятия и дальше, но к нам подошла старушка и напомнила, что ночью ходить опасно и мне пора уходить домой.

- Кто это? – тихонько спросил я на крыльце.

- Нянька, - ответил Влад.

Мы много раз потом встречались в этом доме. Однажды я пристроился помочь няньке чистить картошку. Это было оценено должным образом, и я стал желанным собеседником. Так я узнал, что старушка нянчила отца Ивана Николаевича, его самого, и Влада. Она понимала, что пролетарская революция дала ей возможность начать самостоятельную жизнь. Но вся семья считала её близкой родственницей. «Да и куда мне уходить? - говорила она, - я ведь умею только нянчить малышей». Но она скромничала. Я отведывал блюда, ею приготовленные. Пальчики оближешь!

Однажды мы с Владом играли в шашки, а Иван Николаевич сидел у соседнего стола и читал газету. Вдруг его рука скомкала край газеты. Газета комом легла на стол. Они с матерью Влада тихонько переговаривали. Она тревожно ахнула, а Иван Николаевич поднялся и вышел. Вскоре был прощальный урок. Иван Николаевич уходил на фронт: началась Финская военная кампания (1939 г.- 1940 гг.). Ушел на фронт и наш биолог, навсегда прервав моё юннатство.

По-моему отца с Королёвым объединяла принадлежность к общему социальному слою. Они дружили, несмотря на большую разницу в возрасте. Отец долго объяснял мне причины ухода Ивана Николаевича,

но я плохо его слушал. Я сопереживал Вадиму, который ревел, не стесняясь.

Жизнь сложилась так, что с Иваном Николаевичем я больше не встречался, но отец, кажется, имел какие-то вести с фронта.

Узелок 13. За городом

Отец использовал время своего отпуска для вывоза детей за город, на природу.

Оказалось, что в Кемеровской области живут и работают родственники мамы и папы. Поездки к ним, наверное, оправдывались также стремлением пообщаться с родными. В памяти не удержалась информация ни о родственниках, ни о содержании большинства таких поездок. Воспоминания, как правило, не содержат действий людей и не связаны между собой. Они наполнены чувством осознания необыкновенности состояния окружающего мира.

Например, вот ручеёк с удивительно прозрачной водой, в которой снуют маленькие рыбки с чёрными спинками. Я погружаю руку в воду и, упираясь пальцами в дно, терпеливо жду, когда осмелевшие рыбки станут нежно пощипывать мои пальцы. Мне радостно и я выпрашиваю у папы крошки хлеба, чтобы угостить смелых рыбок. Крошки хлеба получились разновеликими. Рыбки не стали их есть и дружно уплыли. Тут же появились рыбки вдвое большего размера и, пожрав крупные крошки, деловито последовали дальше. За ними вернулись малышки и начали гоняться за мелкими крошками, на мгновенья демонстрируя свои серебристые бока. Тут я услышал долго звучащую удивительно чистую и переливистую трель. Я вертел головой, но не увидел певца-исполнителя.

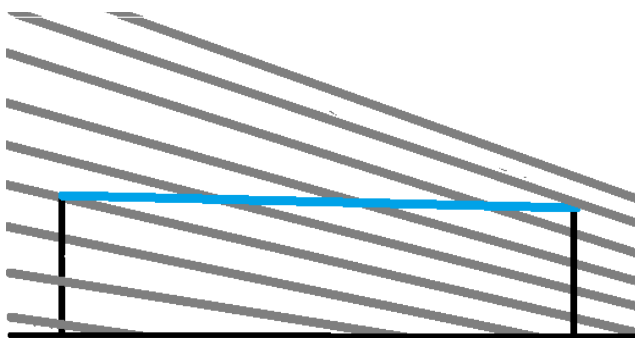
- Кто это? - спросил я, а папа равнодушно (для него это не было впервые) ответил.

- Соловей.

Так вот, как он поёт! Не зря попал в сказку Андерсена.

Однажды отец остановил повозку и высадил нас на холмистой местности, чтобы показать, как вода по деревянному лотку течёт вверх. Лоток был изготовлен из желобов. Каждый жёлоб получен из бревна, расколотого вдоль по оси. Середина слоев дерева была удалена, и образовался полуцилиндр. Цепочка таких полуцилиндров была уложена на стойки так, чтобы вода в лотке стекала с каждого желоба на следующий желоб. Мы подходили к лотку, чтобы убедиться, что вода течёт вправо. Мы отходили от лотка и убеждались, что вода течёт в гору. Почему? Отец только улыбался, но не объяснял ничего. Наконец, когда мы устроились на отдых, он нарисовал вот такой рисунок и предложил на глазок определить, какая из вертикальных линий длиннее: левая или правая. Я сказал, что они одинаковые, мама и Алька сказала «Правая линия». Тогда он предложил измерить их длину. Мы убедились, что правая линия короче левой. Значит, вода всё-таки стекала

под уклон, не нарушая законов. А то, что мы видели – это зрительное заблуждение, называемое оптической иллюзией.

Или, совсем в другой местности, мы зашли в деревянную часовню. Под вывеской «Лавка» в ней продавались продукты и хозяйственные товары. Мы купили продукты. Потом отец выбрал место стоянки. Распряг лошадь. Стреножил её и отпустил пастись. Мы устроились на тёплой траве в тени под повозкой. Я отламывал кусочки удивительно ароматного пышного белого хлеба, отправлял их в рот и запивал необыкновенно вкусным молоком. Правда, эта поездка была служебной, поэтому мне приходилось подолгу в одиночестве находиться у повозки. Но мне не было скучно. Меня окружали звуки, запахи и разноцветные сущности: всё неповторимое и новое.

Узелок 14. Щенки

Мамин брат, мой дядя Алексей Яковлевич Вотин, работал директором начальной школы. Деревня располагалась в лесу. Его население занималось скотоводством и охотой. Охотником был и мой дядя. Скотовод ли, охотник или рыбак неизбежно убивают живое. Его дети присутствуют при убивании и, когда приходится делать это своими руками, не делают из него трагедии. Другое дело – моя персона. В школе мне было неприятно даже хирургия лягушки. Тем более было отвратно исполнять поручение дяди Алексея убить маленьких щенят.

У дяди была собака охотничьей породы – сука Ангара. Она две недели назад принесла четырёх щенят. Для меня они выглядели одинаковыми крупноголовыми и толстолапыми. А дядя отличал хорошего потомка от трёх бракованных. Эти трёх: неправильной расцветки, хромого и криволапного требовалось лишить жизни. Он пометил избранного щенка лентой на шею, чтобы я не ошибся в выборе. Щенят можно было забрать только в отсутствие Ангара. Дядя увёл её с собой на охоту, а остальное я должен был совершить самостоятельно.

Пока я отделял щенят, они толкались мордами в мои руки, лизали их и отчаянно виляли хвостами. Мягкие лапки опирались на мои руки совершенно доверчиво. Щенки ожидали от меня только хорошего. Я

сам присвоил им это ожидание и потом не смог преодолеть собственного воображения.

Вернувшийся дядя нахмурился, обнаружив щенят живыми, но ничего мне не сказал. Потом позвал меня на помощь в снятии шкурки с добытого им зайца. Он показывал с подробными пояснениями, как держать нож в руке и оттягивать шкуру от мяса; как правильно снимать шкуру, чтобы не повредить её и не оставить на ней жировую прослойку. Если её оставить, то она будет гнить и сделает шкуру непригодной. Он незаметно вложил в мою руку настоящий охотничий нож. Я продолжил снятие шкурки и закончил процесс уже вполне самостоятельно. Затем дядя показал, как надо растянуть шкуру для просушивания и разделал тушку, называя получившиеся части. Жена его унесла полученную продукцию, как обычные куски мяса.

Я себя неудобно чувствовал только первые мгновенья урока. Педагог полностью завладел моим вниманием, не давая возможности развернуться моим чувствам. Неожиданно я получил хорошую оценку результатам обучения и сам удивлялся этому.

Вечером мы с папой, как обычно, подводили итоги дня. Внезапно он спросил, как я понимаю слово «добыча». Поднапрягшись мыслями, я ответил, что добыча – это действие добывания, а так же общее название продукта добывания.

- Приведи пример добывания.

- Охота, рыбная ловля и домашнее выращивание животных или птицы. – Ответил я и, подумав ещё, добавил, – покупка чего-либо за деньги, или в обмен на что-то на базаре.

- Ну, – усмехнулся отец, – тут ты расширил понятие не совсем обоснованно. – Давай обойдёмся без базара. Чем завершается добывание на охоте и при других добываниях?

- Приобретением мяса, шкур, рогов, зубов копыт, перьев и всего, что есть полезного для добытчика.

- Но для этого добытчику приходится что делать?

Тут я понял, что дело приближается к щенятам и тихо сказал:

- Убивать.

- Ну, не совсем так. Убийство – это лишение жизни ради уничтожения личности. Человека. В русском языке для обозначения добычи применяют слова: «забить» (для домашней живности), «добыть» (для охотников) и «уловить» (для рыбаков).

- Но щенят требуется убить – настаивал я.

- Нет, здесь целью является сохранение охотничьих качеств будущих собак, значит, целью является сохранение породы. Собака относится к домашним животным. А улучшение породы домашних животных – это вечная цель человека. Для этого приходится забивать непригодных, чтобы не тратить напрасно свои силы на их выращивание.

Когда дядя Алексей возвратился со следующей охоты, он увидел три шкурки, аккуратно распятые на прутиках. Щенок, оставленный жи-

вым, спал со мной на крыльце, уткнувшись носом в мои волосы. Ангара подошла к нам и, взяв щенка в пасть, унесла его к конуре.

Узелок 15. Плавание

Однажды мы отдыхали на берегу озера (или пруда?). В общем - на берегу водоёма. Солнце неистово поджаривало открытую кожу, а вода гасила жар. Водное пространство было довольно большим: противоположного берега не было видно. На песчаном пляже расположилось много людей. Знающие друг друга образовывали более плотные островки отдыхающих. В нашей островке кроме отца, сестры Али и меня были несколько папиных знакомых, среди которых выделялся могучим телосложением мой двоюродный брат (сын папиного брата Петра) Вениамин. Сохранилось дореволюционное фото Петра Филипповича Знаменского в казачьей форме. Братья были очень похожи друг на друга.

0

Временами отец уводил меня в глубину озера, где дно было без ила, а вода прохладной, и обучал плаванию. Обучение состояло в придании мне горизонтального положения близ поверхности воды и в заучивании движений моих рук «по собачьи», а ног - бултыханием. Временами отец прекращал поддерживать меня. Я начинал тонуть. Конечно, тонуть мне он не позволял. Но обучение продвигалось медленно.

- Разве так вы его научите? - сказал Вена, - и побежал в глубину, схватив меня в охапку. Он остановился, когда вода достигла его плеч и сказал:

- Ну, Витя, пошевеливай конечностями.

Я начал двигаться и тут Вена перестал меня поддерживать. Он даже отодвинулся в сторону и удивлённо произнёс: «А ты ведь сам плывёшь! Вот, молодец!». Он поплыл к берегу.

Вначале я не обратил внимания на его слова, так как испугался отсутствия поддержки. Но ещё больше я испугался утонуть и быстрее, но бестолково, заработал руками. Когда до меня дошёл смысл слов Вены, я вдруг ощутил, что вода меня не стремится утопить, а вроде бы

даже выталкивает наружу. Я вдруг ей поверил и стал плыть спокойно. Попробовал повернуть в сторону - получилось! Теперь я плыл к берегу, не пытая, как это было секундой раньше. Но, всё-таки, боялся принять вертикальное положение: а вдруг там глубоко и я не смогу всплыть. Наконец мои руки ощутили дно и я встал на ноги. Вода заливала ноги ниже колена. Я повернул назад. Зашёл в воду «по-горлышко». Оттолкнулся от дна и поплыл к берегу. Я стал на ноги, когда вода была мне немного ниже пояса.

Отец обтёр меня полотенцем. Видно было, что он доволен. Я ещё не понимал, что впервые проявил обременительную сторону своего характера, которая будет сопутствовать мне всю жизнь: находить и испытывать варианты событий.

- Стой! Вена! Нельзя! - Закричал папа.

Это мой двоюродный братец, ободрённый результатом, схватил в охапку мою сестру и кинулся в глубину повторять успех. Но я-то уже заучил нужные движения, а Алька - нет. Поэтому она сразу поплыла по топорному: на дно. Веня растерялся, но Аля вдруг показалась над поверхностью, кашляя и размазывая сопли по щекам. Следом вынырнул отец.

Смущённый Веня поплыл за линию бочек, на водный простор. Его торс по грудь возвышался над уровнем воды. Ноги не разбрызгивали воду, оставаясь под водой. Рука, выброшенная вперёд, на миг замирала и ладонь, приподнявшись, хлопала по воде. Хоп. Хлоп. Хлоп - ритмичные звуки сопровождали пловца. Такой стиль здесь считался верхом красоты и свидетельством мастерства пловца. Вдали к нему подплыла женщина. Они остановились, затем поплыли обратно. Теперь Веня не возвышался над водой и не хлопал по ней ладошками. Женщина приплыла, опередив Вену на много метров. Дождалась его, что-то сказала и пошла к своим.

- Вот это плаванье! - Сказал он, отдышавшись. - Обязательно так научусь.

Мы вчетвером дошли до перекрёстка.

- Ты правильно мыслишь, Вена. - Сказал отец, объединяя одобрение результата моего обучения и решения по освоению стиля плавания. - Молодец.

Вена покраснел и, свернув в переулок, помахал нам рукой.

- А я тоже молодец. - Похвасталась Алька. - Сама вынырнула.

- Ты красавица! - зачем-то ввязался я. - Девочки молодцами не бывают.

- Но обоим не мешает быть скромнее. - Сказал отец.

Мы продолжали путь молча.

Узелок 16. Молния

В этом клубе был зрительный зал, где регулярно показывали кино. Киноленту привозили через 12 дней (тогда была шестидневная

неделя). В клубе имелась библиотека, из которой папа брал книги для себя и для меня, и были комнаты для рукоделья и репетиций самодеятельных драматических артистов и оркестрантов. А мы с сыном строителя тайком обследовали ещё и чердак этого здания. Там меня поразило всё: мощные стропильные брусья, металлические накладные с крупными гайками на болтах и стойка, удивительно сложной формы, на которую опирались четыре бруса-стропилины. Она служила осью конструкции, образующей шатёр над торцевой частью здания. Снаружи этот шатёр завершался шпилём. Этим шпилем и была стойка. Ухищрением строителей она сливалась со стропилами, концы которых лежали без щелей на фигурных вырезах в стойке. Все конструкции были гладко оструганы не для зрителей, а в соответствии с отношением плотников к своему мастерству. Как-то не сливался с этим видом толстый, плохо распрямлённый железный прут, кое-где прижатый к стойке небрежно загнутыми гвоздями. Он возвышался над вершиной шпиля и уходил в землю где-то рядом со зданием. Он назывался громоотводом. Его делали люди, не гордящиеся своим мастерством.

Перед высоким зданием клуба вечером столпилось, как обычно, много отдыхающего народу. Неожиданно налетел ветер. Надвинулась туча и прошла сухая гроза. Она длилась несколько мгновений. Вдруг на высоте полутора метров над землёй возник яркий шар, размером с футбольный мяч. Шар медленно двигался в воздухе при совершенно безветренной погоде. Он направлялся к зданию медленно и угрожающе торжественно. Отец крикнул:

- Не бегите. Вы потянете за собой молнию. Те, кто на её пути, медленно садитесь и прижимаетесь в земле. Замрите там. Остальные стойте.

На пути молнии оказалось немного людей. Они послушно освободили путь молнии. Отец медленно следовал за шаром. Мы с Алькой были далеко в стороне. Временами казалось, что шар не движется, но он продолжал приближаться к стене здания клуба. Когда расстояние оставалось не более пары шагов, движение шара ускорилося. Потом он устремился вверх и, миновав кровлю, ринулся к громоотводу. Раздался грохот. Всё кончилось. Кто-то крикнул: «Ура!», но его не поддержали. Люди стали расходиться, вполголоса обсуждая редкое природное явление. К отцу кто-то подходил. Ему жали руку. Он взглядом нашел нас.

Дома, рассказывая маме о событии, он пояснил, что молнию перемещало движение воздуха. От стены, днём нагретой солнцем, воздух тоже нагревался, становился легче и уходил вверх. Молния повторяла движение воздуха. Ведь он её нёс. А громоотвод сработал так, как ему полагалось: отправил шаровой заряд электричества в землю.

Узелок 17. Парашют

Корову утром мы выгоняли в стадо на весь световой день, а свинью днём надо было чем-то кормить. Поэтому мама нас с Алей отправ-

ляла на стадион за травой. На стороне стадиона, самой дальней от входа, не было ещё спортивных сооружений. Зато всё заросло высокой лебедой. Мы проползали на территорию стадиона под забором. Рвали лебеду и волокли мешок травы домой. Там мама готовила из неё какое-то свиное блюдо, а нас радовала дунькиной карамелью. Так продолжалось бы, наверное, до осени.

Близко от этой глухой стороны ограждённой территории стадиона стояла парашютная вышка, которую использовали только в выходные дни. Вершину ажурной металлической башни завершала крановая стрела. Через её желобчатые шкивы был проложен трос. На одном конце троса был закреплён всегда раскрытый огромный зонтик – парашют, на другом конце увесистый кусок металла – противовес. К краям зонтика были прикреплены крепкие верёвки (стропы), собранные к лямкам для удерживания парашютиста. Высота вышки составляла метров 25-30. Когда смельчак, закрепив на себе лямки парашюта, прыгал вниз, то своей тяжестью через трос поднимал противовес. Внизу смельчака ждали, чтобы удерживать парашют, пока прыгнувший освобождается от лямок. Потом одновременно стропы отпускали, и парашют полз вверх под усилием падающего противовеса. Конец подъёма сопровождался лязгом металла. Для одевания следующего прыгуна сбрую подтягивали к площадке тонкой верёвкой. Один конец её был намертво прикреплён к перилам на верхней площадке вышки. Другой был присоединён к лямкам. Обычно парашют располагался вверху, а лямки привязаны к перилам. Калитку для входа на вышку запирали на болт с гайкой.

Алька была моложе меня на четыре года. Она была заводилой всех наших проказ. Например, она говорила мне, что у меня мало сил и ловкости, чтобы добраться до вазы, которая до праздника стояла на шифоньере, наполненная конфетами. Конечно, её желание полакомиться совпадало с моим желанием. Нужен был только толчок. Алька его создала. Я влез на стул. Чуть достал до вазы пальцами. В итоге её осколки оказались на полу вперемежку с конфетами. Конечно, как всегда, попало мне одному. Поделом.

Как-то раз, после доставки травы домой, Аля предложила вернуться на стадион и посмотреть на парашютную вышку. До прихода отца с работы время у нас было. Пошли. Походили вокруг вышки. Аля задумчиво так говорит:

- Тебе не подняться по этой лестнице. Ступеньки высокие.

- А тебе вовсе не подняться, так что помалкивай – машинально отвечаю я.

- А я попробую. – озорно произнесла она и, не успев я обдумать эту мысль, как Алька пролезла в пространство между деталями конструкции и помахала мне рукой.

- Не получится – вернусь.

Пришлось пролезать и мне: она же сверху упасть может.

На верхней площадке дул легкий ветерок. Алька теребила лямки парашюта, висевшие свободно на перилах, и почему-то не привязанные к ним.

- Ну и сбруя! - сказала она. - Тебе будет великовата.

- Конечно, - ответил я, стараясь быть невозмутимым, - она же для взрослого.

- Вот если эти концы связать, - продолжала она, показывая на нижние лямки, - то, пожалуй, тебе будет в самый раз.

Я попробовал соединить лямки карабинами, но открыть карабины не смог. Силёнок в пальцах оказалось недостаточно. Пришлось для примерки протянуть лямки между ног и завязать по узлу с каждой стороны. Пояс тоже пришлось закрепить на узел. Я поднял руки и взялся за лямки, как взрослый парашютист на картинках. Вдруг я оказался падающим вниз. До сих пор непонятно, как это случилось. От неожиданности я чуть было не отпустил лямки, но тут же от страха вцепился в них ещё сильнее. Положение тела вначале было не вертикальным. Когда стропы парашюта натянулись, то меня выпрямило, тряхнуло до боли в сухожилиях рук, пальцы еле-еле удерживали мой вес. Затем падение замедлялось до остановки и вдруг меня потянуло вверх. Наконец раздался металлический лязг. Меня ещё раз тряхнуло, но тише. Я понял, что мы выдали своё тайное присутствие. Надо было срочно убежать.

Алька пыталась подтянуть меня к конструкции вышки, но её сил было мало. Да и я запретил это делать - вдруг сорвётся вниз и разобьётся. Сам же висел на руках, боясь, что нижние узлы развяжутся. Руки, болевшие от удара, стали уставать и я понял, что у меня нет выбора. Если нижние узлы развяжутся, то вся надежда на пояс. Но узел пояса тоже не затянут и тоже может распуститься. Так что я всё равно скоро окажусь на земле, выскользнув из «сбруи». Я стал потихоньку перебирать руками, опускаясь на лямки, расположенные между ног. Узлы со скрипом затягивались, выдерживая мой вес. Наконец я сел на лямки и подпрыгнул несколько раз. Узлы оказались крепкими. Теперь руки стали свободными, и я добрался до верёвки. С трудом подтянул себя к вышке. Затем пополз вверх по вертикальным конструкциям и, наконец, перевалился за борт на площадку. Вылезти из лямок труда не составило: поясной узел развязался легко. Я схватил сестру за руку и потянул вниз. Когда я вылез из башни на землю, то оказался в руках милиционера. Альку задержал сторож.

В дежурной комнате милиции я ответил на все вводные вопросы. Но дальше Алька взяла инициативу и громко трещала по поводу героического поведения её брата. По её словам выходило, что я всегда мечтал прыгнуть с парашютом, сам подогнал на себе сбрую и прыгнул с вышки, но что-то в механизме вышки испортилось (мы здесь не причём!) и брат не долетел до земли, а повис в воздухе. Потом она (Алька) вытащила брата обратно на вышку. В этом месте рассказа сто-

рож ушёл и долго не возвращался. Она ещё рассказывала, как ей было страшно, но тоже хотелось прыгнуть. Только теперь, когда вышка испортилась, было бы зря прыгать. Милиционер эти измышления выслушал до конца, одновременно составляя протокол задержания.

- Ну, а ты что скажешь? – спросил милиционер меня, когда она замолкла.

Я в это время думал о том, насколько глупо я поддался на очередные провокации сестры, поэтому сказал:

- Плохо обдуманное действие.

Тут вернулся сторож и, отдав Альке сандалии, забытые нами на верхней площадке, сказал:

- Всё верно. Этот малец правда прыгал с вышки. Лямки завязаны узлами так туго, как он не мог бы завязать руками. Я с трудом их развязал. И противовес звякнул. Девочка не врала. Не всякий взрослый решается прыгать с вышки. Мужики, отпустите этих храбрецов.

Тут вернулся посыльный, приведший моего отца. Папа прочитал протокол задержания. Подписал его и сказал:

- Нужно закрыть основание башни сеткой. Тогда никто не залезет.

Дома отец сказал маме, что дети заработали привод в милицию. Несколько таких приводов будут означать, что у нас растут хулиганы. Но как они оказались на стадионе? Мама призналась, что она нас послала за травой. Состоялся трудный разговор, закончившийся соглашением, что всё, находящееся за забором, принадлежит администрации стадиона. Это чужое имущество. Поэтому вынос оттуда травы называется воровством.

Больше мы за забор не лазили. Сигнал из милиции в школу не поступил.

Узелок 18. Часы

Часы дважды, в период жизни в Новокузнецке, оказались отмеченными в моей памяти.

Первый раз это случилось, когда мне было семь-восемь лет. У отца были карманные часы на цепочке. Для их ношения в брюках был предусмотрен маленький карман под поясом. Цепочка надевалась на брючный ремень и свешивалась, свидетельствуя о достатке владельца. У часов были две защелкивающиеся крышки: над циферблатом и с другой стороны. Кроме того, механизм закрывала плотная круглая крышка. Чтобы посмотреть время, нужно было извлечь часы из кармашка и нажать на заводную головку. Крышка подсакивала на шарнире, открывая циферблат. После чтения времени её возвращали на место пальцами.

Как-то вышло, что часы требовали ремонта. Отец оставил их на столе, а я открыл две задние крышки и посмотрел механизм. Если тронуть колёсико, то оно начинало колебаться и раздавалось едва слышное тиканье. Правда, через некоторое время механизм снова зами-

рал. Я думал, что понял, почему это так, и решил отремонтировать. Разобрал, старательно запоминая, откуда беру детали, чтобы впоследствии поставить их на место. Но получилось так, что на столе после сборки всё-таки остались одна-две детали, а часы перестали тикать вообще... Нас, детей, никогда не наказывали побоями. Я простоял в углу некоторое время и был отпущен под честное слово больше так не делать.

Второе событие произошло в самом конце 1939 года.

К нам пришёл всё тот-же Казанов и остался ночевать, так как был пьян в стельку. Он пристелился на половике у стола и со смехом громко протестовал против перемещения на другое место. Утром его не обнаружили. Когда он ушел никто не заметил.

Перед обедом к нам заглянул сосед, работавший вместе с папой. Он передал слова отца:

- Витя, беги в школу на полчаса раньше, иначе опоздаешь.

Когда я пришел из школы мои родители были в тревоге. Время было суровое. Опоздание на работу на 15 минут наказывалось увольнением. Отец опоздал на 20 минут и немедленно был уволен. Будильник, стоявший на столе, показывал время с опозданием на полчаса. Как-то получилось, что отец не поверил показаниям карманных часов, которые показывали нормальное время.

Зарплату выплатили тотчас, словно подготовились заранее. Но этих денег хватило ненадолго. Попытки устроиться на работу провалились. Ни куда отца не принимали, хотя у него были документы и в объявлениях требовались работники такой квалификации. Мама списалась с сестрой Анастасией Конных, и вскоре родители продавали вещи, чтобы купить билеты на поезд. В начале января 1940 года мы приехали по железной дороге на станцию Абакан. И ещё более 100 километров перемещались на подводах до села Аскиз. Это районный центр Аскизского района в Хакасской автономной области. Так жизнь совершила один оборот. Семья вернулась в Красноярский край.

Узелок 19. В Аскизе

По рекомендации дяди моего Андрея Конных, отца приняли на работу бухгалтером конторы Заготзерно. Через некоторое время главный бухгалтер ушла на пенсию. Папу назначили на её место. Отец в беседах с мамой говорил, что директор конторы Заготзерно сам знает бухгалтерское дело, и повышение папы в должности не зависело от Конных. Но тот при каждой встрече упоминал о своих заслугах в карьере отца.

Нам предоставили половину пятистенного дома. Так его называли потому, что у него действительно было пять капитальных стен: четыре стены ограждали длинный прямоугольник, а пятая делила его пополам. Получалось две комнаты с самостоятельными входами. Каждая комната разделялась печью и лёгкой перегородкой на кухню и гор-

ницу. Горница казалась мне огромной. Скорее всего, потому, что у нас не было мебели. Первое время мы спали на полу.

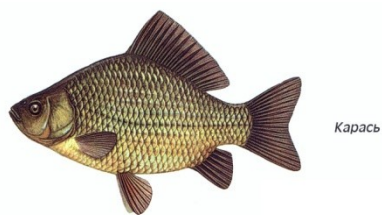
Возникло осложнение с пропиской: оказалось, что мама и папа разведены. Может поэтому, или по другой причине, отец бывал на просмотрах новых кинофильмов, а мама сидела дома. Помню, как он рассказывал маме о фильме «Чапаев», или «Броненосец Потёмкин», размахивая руками и передвигаясь по комнате, а голосом подражая героям фильмов. Позднее я убедился, что его память была абсолютной.

В школу отец привёл меня в середине года. Сразу после каникул. Школа была в двух зданиях. Начальные классы занимались в малом здании, а старшие – в большом. Поэтому мы с Алей учились в разных зданиях. Оба здания были одноэтажными деревянными старинной постройки. Средняя школа и клуб, расположенный на этой же территории, были единственными зданиями в селе, окруженными деревьями, а летом – ещё и цветочными клумбами.

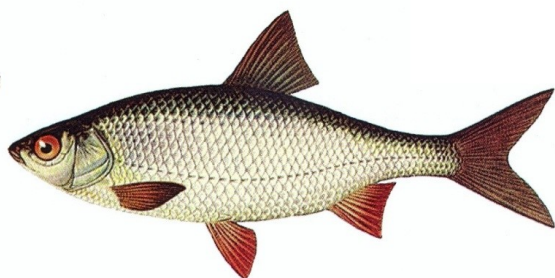
Меня приняли в шестом классе просто. Как будто я вернулся домой после долгого отсутствия. Мы с Алей имели подготовку более высокого уровня, чем одноклассники. Не было ни каких проблем с входением в классные коллективы. К концу учебного года я получил прозвище «Профессор» за то, что мог объяснить значения многих слов, неизвестные другим школьникам. Алькины одноклассники дали ей прозвище «Заноза». У меня появились друзья и недоброжелатели. Это нравилось моему папе, который и здесь сам посещал родительские собрания. «Если ты что-то значишь, – говорил он, – то у тебя должны быть враги». Это выражение я нередко вспоминал в своей долгой жизни, когда недруги проявляли себя. Оно содержало обоснование их существованию и наличие кое-какой собственной значимости, чтобы не падать духом при неудачах.

За отличную учёбу и примерное поведение мне выделили бесплатную путёвку в пионерский лагерь «Озеро Балан Куль». Вообще в пионерском лагере я был впервые. Для меня лагерная жизнь была трудной, так как я не привык к жесткому регламенту своих действий. Впрочем, мои нарушения режима не стали известными воспитателям, и я вернулся домой без замечаний.

Основным нарушением было не соблюдение распорядка дня. Я пробуждался часа в четыре и уходил на берег озера. Там я встречался с рыболовом, который уделял мне одну из своих удочек и знакомил с рыбацкими хитростями. Мой улов был меньше, чем у наставника. Я всю рыбу отдавал ему, так что он не был в проигрыше. У него были ставные рыболовные сети, которые мы вдвоём снимали для просушки и починки. Он научил меня грести вёслами, управлять лодкой, ставить сети, монтировать их, чинить и вязать. Он подарил мне иглу для вязанья сети и рассказал правила рыболовства. Он ознакомил меня с рыбами, их строением и поведением. От него я узнал, что караси нерестятся по несколько раз в году.

Карась

Плотва

Если рыбаки много рыбы отлавливают, то в озере пищи остаётся много и много появляется мальков. Если пищи мало, то и приплод становится малым. Чем меньше мальков сейчас, тем меньше будет крупных карасей потом.

Щука

К щукам он относился как охотники к волкам. Плохо когда их нет совсем, но ещё хуже, когда их слишком много. Санитары не должны уничтожать здоровых рыбок. Так как я был хорошим слушателем, то рыболов вываливал на меня многие премудрости. Мы расстались друзьями с пожеланием встречи в следующем году.

Узелок 20. Огород

Все хакасские поселения отражали бывший кочевой уклад жизни. Дома хакасов и их деревянные шестиугольные юрты стояли под разными углами к дороге, да ещё и на разном расстоянии от неё. Вокруг них не было ограждений. Каждый дом как бы находился в степи. Русские постройки отличались пристройками: сенями, амбарами, хлевами, курятниками и другими, а также ограждениями. Общим было практическое отсутствие огородов. Это связано с очень жарким летом, когда, даже степь, привыкшая ко всему, выгорает на солнце до почвы.

Наш двор был разделён деревянным забором на два участка: жилой и не жилой. На нежилом участке когда-то содержались лошади.

Теперь это был унавоженный участок двора. Пустырь. Под руководством отца наша семья весной сформировала парники, хорошую землю добыли из под слоя навоза. В парники мама посадила семена огурцов и дыни. Парники мы закрыли рамами от окон полуразрушенной конюшни. Кроме того, мы вскопали несколько гряд для овощей в открытом грунте и мама посадила тыкву, лук, чеснок и морковь. Небольшой участок засадили картошкой и помидорами.

Отец расчистил засорённый колодец и углубил его. Неисправный журавель заменил воротом. Вечерами мы с ним вдвоём поливали огород. Когда я отдыхал в Балан Куле, поливом занимались также мама с Альбиной. Уже к середине лета наши огурцы и помидоры стали привлекать внимание русского населения. Хакасы не знали, как растут такие овощи, и приходили для ознакомления. Осенью мы засолили огурцы и заложили в подвал картошку и морковь. Капусту купили на базаре (привозную) и тоже засолили.

Дядя Андрей заговорил было о том, что нам следовало отдавать ему некоторую часть урожая, но тётка Настя, так его отчитала, что он больше об этом речи не заводил. Дядя периодически приводил к нам компанию, которая приносила с собой водку. Я помню, как за столом, накрытым белой скатертью, сидели несколько мужчин с жёнами. Там же сидели дядя Андрей и тётя Настя. На столе были солёные овощи, салаты, селёдка и горячий картофель в мундире. Пред каждой парой стояли тарелки для складывания пищевых отходов. Женщины, перемигиваясь, подкладывали часть своих картофельных очисток в тарелку, стоящую перед супругой самого высокого начальника в районе. Занятая разговорами мужчин его жена не замечала подвоха, а когда заметила много очисток в своей тарелке, то стала уминать их вилкой, чтобы уменьшить объём. Проказницы ухмылялись, пока она не догадалась, в чём дело. Потом она смеялась со всеми вместе, говоря: «А а я-то удивлялась, как это съела картошки больше всех!».

На следующий год наш сосед по дому тоже решил заняться огородничеством. Отдали ему половину огорода, подготовленного с осени. Остальной территории нам было достаточно, так как отец рассчитывал вдвое увеличить урожайность подбором семян.

Узелок 21. Рыбалка

Вернувшись с Балан Куля я рассказал родителям о своих новых умениях. Мама обрадовалась: свежей рыбы на столе ей очень не хватало. В Туруханске, помню, когда она полоскала бельё в Енисее, то рядом ставила удочки. Пока стирала – ловила пару сигов. Папа подошёл с практической стороны: что тебе нужно для рыбалки? –спросил он. Я хотел связать сеть, поэтому попросил купить нитки и тонкую верёвку. С Балан Куля я привёз трубочки из бересты для поплавков. Почти весь июль я готовил снасти. Для грузил использовал свинец от остатков аккумулятора легкового автомобиля, валявшихся в углу двора. В поисках

удобного места для рыбалки мы с сестрой облазили все доступные нам берега реки Абакан. Альбина обнаружила в кустах маленькую рассохшуюся лодку – долблёнку. Её могло занести половодьем. Она была бесхозной.

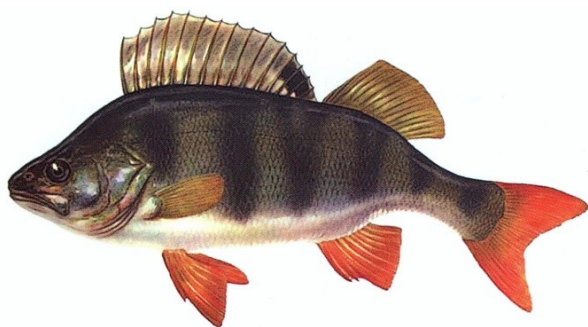
Для изготовления такой лодки сваливают тополь, подходящей толщины и без сучьев. Снимают кору. И выдалбливают середину ствола так, чтобы получилась внутренность лодки. Обтесывают корпус снаружи, доводя толщину стен и дна примерно до двух сантиметров. Для увеличения высоты бортов к ним с боков прикрепляют тонкие доски из ели или пихты. Для повышения прочности, у широких лодок, изнутри прикрепляют поперечины (шпангоуты). Снаружи вдоль днища делают острый выступ (киль) для повышения поперечной устойчивости на ходу. Для движения под вёслами прикрепляют к бортовым доскам брусочки с отверстием для установки уключин весел.

Наша находка была узкой – на одного человека по ширине. Без шпангоутов. Бортовые доски у кормы были оторваны. В других местах виднелись щели между долблённой частью и досками. Но долблённая часть была целой. Мы выволокли лодку из кустов, спустили на воду. Лодку не заливало с нашими вещами, и даже с Алей, если не было волн. Мы отбуксировали её в протоку р. Абакана, где ранее было нами выбрано место для рыбалки. На берегу протоки стояли несколько подобных лодок, каждая вдвое большего размера.

Папа помог отремонтировать борта. Я зашпаклевал все щели и облил смолой стыки бортовых досок с долблённой частью. Смолу тоже привёз папа. На носу лодки написал желтой краской «ВЗ». Но получилось похожим на номер «133». Изготовил две скамьи и весло... В тот же вечер отправился на рыбалку.

Аля неотступно следовала за мной. Поставили сеть. Устроились на острове. Сели на берегу с удочками. Ожидание клёва Але не понравилось. Через некоторое время она потребовала посмотреть, что в сети. Пришлось уступить. Убедившись, что в сети ничего не попало, а на удочки никто не клюёт, Аля попросила переправить её на берег, и умчалась домой. Я решил посидеть один до заката солнца. Но вскоре Аля появилась на берегу в сопровождении папы. Он нёс мешок, чем-то наполненный доверху. Оказалось, что он решил порыбачить со мной. И захватил с собой полушубки, краюху хлеба и немного соли.

Мы сидели молча, когда начался клёв. Он был бурным, но кратковременным. Всё-таки мы успели выловить с десятков толстешек-сорожек (плотвы) и небольших окуньков.

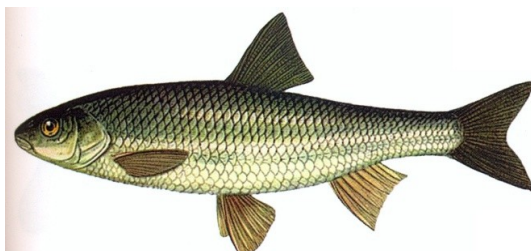

Окунь

Потом всё затихло. Папа сказал.

- Наверное прошла стая. Давай посмотрим сеть, пока светло.

Я не стал возражать. В сеть попало рыбы больше, чем выловили удочками, и добавились ельцы.

Елец

Мы развели небольшой костёр. Печёную рыбу приготовили из самых крупных сорожек.

Мы разговаривали до рассвета. На завтра у отца выдался свободный день. Затем начнётся прием зерна нового урожая и таких дней долго не будет.

Утром повторился кратковременный клёв и опять в сети улов был больше, чем на удочках.

Сеть я растянул для просушки и починки на внутреннем заборе со стороны огорода. Довольная мама и заспанная Алька занялись чисткой рыбы.

До самых заморозков почти каждое утро я приносил хоть немного рыбы. В свободное время я вязал вторую сеть. Осенью, до ледостава, я ставил уже две сети, но больше не удил, так как времени не было: шла учёба в школе.

Узелок 22. Бредень

В семье Андрея Конных было десять детей, из которых четверо – мужского рода. Василий уже отслужил в армии (лётчик), а Дмитрию исполнилось пять лет. Виктор был мне ровесником, а Владимир на год старше. Мои двоюродные братья Виктор и Владимир ревностно отнеслись к проявленной мной самостоятельности. Раскритиковали мой монтаж сети и мои удочки, иронически покривились на лодку (малюшка!). С удовольствием угостились жареной рыбой, и поверили, что мои уловы разнообразили питание нашей семьи, которая была ровно вдвое меньше семьи Конных.

Виктор загорелся идеей добывать рыбу в количестве, достаточном для двух семей. Для этого, по его мнению, нужен бредень. Казалось бы, можно было использовать мой опыт и изготовить большую сеть. Но ловля такой сетью была бы браконьерством, а маленькие бредни и ставные сети в то время приравнивались к удочкам. В продаже бредней не было. Нужно было сделать его самим. На это ушла почти вся зима.

Бредень - короткий невод - делали вместе. Дель (полотно невода) выпросил у рыбаков из утиля дядя Андрей. Тетиву - верёвки, на которые закреплялась дель, дала мама. Пожертвовала бельевой верёвкой. У неё же отыскивались нитки нулевого номера, которых в Аскизе было невозможно купить. Витька сам посадил дель на обе тетивы. Мне не доверил. Мол, для невода посадка иная, чем для сети. Я связал мотню из ниток нулевого номера. Мотня - это конический мешок, который крепится посередине невода для сбора рыбы, захваченной неводом. Грузила для бредня сделали из каменных круглых плиток. Поиском и заготовкой плиток занимались все: и дети и взрослые. Края плиток надо было выщербить, чтобы плитки не выскользнули из привязки к нижней тетиве. Аля с удовольствием превращалась в камнетёса. Поплавки изготовили из тонких досок. Витька называл их «кебасы» и привязывал сам к верхней тетиве. Каменные плитки крепили к нижней тетиве мы с ним вдвоём. Мне было поручено вырубить две палки из ивняка, обильно растущего по берегам протоки реки Абакана. Я их очистил от коры, и Витька прикрепили к крыльям бредня. Наконец, снасть готова. Но река ещё покрыта льдом. Надо ждать ледохода. Как только вода спадёт, по реке Аскизу вверх пойдёт хариус. Тут-то мы и рассчитывали его встретить.

Ледоход на реке начался и прошел внезапно, за два дня до выходного. Занятия в школе и домашние работы задержали наш выход. Накануне выходного, после школы прибежал двоюродный брат Минька и закричал:

- Пойдём на реку! Собирайся и приходи к нам.

Одежда была собрана заранее: ватные штаны и телогрейка поверх тёплого белья, на голову шапка-ушанка, на ноги две пары теплых носков и глубокие калоши, которые я намеревался ещё привязать к ногам у щиколоток. Было довольно тепло. Телогрейку и шапку я нёс в авоське. (Авоськой называли сетку из толстых ниток, по виду похожую на современные полиэтиленовые пакеты; она свободно умещалась в кармане на случай непредвиденной покупки).

В таком виде появился к Витьке. Тот критически осмотрел меня и сказал:

- Не пойдёт.

Моё сердце упало. Он исчез за дверью кладовки. Вернулся с обувью, которая состояла из таких же калош, но к ним сапожной дратвой были пришиты кирзовые голенища. Обувь была мне слишком велика. Витька бросил на пол два потрёпанных лоскута мешочной ткани:

- Для портянок. Бери. Потом рассчитаешься.

Странная была эта фраза. Я её запомнил, надеясь потом разобраться...

Вначале было обучение. Я должен был уходить в реку от берега, держа в руках одно крыло бредня. Другое крыло в руках учителя (Виктора) оставалось в прибрежной части реки. Первый заход, называемый «тоней», прошел плохо. Вода была ледяной. Она проникла сквозь ватное одеянье, заполнила сапоги и оставалась там, когда я шёл к берегу. Сапоги были пудовыми только на суше. Под водой вес не ощущался. Течение опередило меня и вывернуло бредень. Он выпучивался впереди меня, относимый сильным течением. Виктор ругался, обзывал меня всячески и требовал исполнения двух вещей: бежать быстрее воды и тянуть нижнюю тетиву впереди верхней. Мы сделали три – четыре захода, каждый раз возвращаясь в начало. Бегать я научился. А нижняя тетива ни как не хотела быть впереди, когда мы оба устремлялись к берегу. Тетива поднималась над дном и вся рыба (мы её видели) уплывала на свободу. Не помог крупный камень, который Виктор привязал к мотне. Виктор кричал, что он не встречал таких тупых рыболовов, как я. Тут я рассердился и нахамил ему, сказав, что какова снасть, таковы и рыболовы.

- Ты хочешь сказать, что невод не годен? – удивился Виктор.

- Да! У него плохая посадка дели. – крикнул я. – Так мы ничего не поймает.

- Если ты такой знаток, то сделай сам лучше.

Виктор поспешил на помощь Миньке, который запутался в неводе. Я воспользовался этим. Отвязал верхнюю тетиву от палки, отступил от края дели сантиметров на сорок, и закрепил снова. Потом отвязал камень, который Витька привязал «Чтобы мотня не поднималась». Мы сделали заход. Теперь нижняя тетива сама шла по дну впереди верхней и прижимала мотню ко дну. Мы сразу поймали несколько ельцов, положив начало добыче.

В основном я погружался в воду до пояса. Мне приходилось наклоняться, поэтому грудь моя была мокрой выше пояса, а руки – выше локтя. На воздухе мне было холоднее, чем в воде. Мокрая одежда на воздухе оледеневала, а в реке лёд таял. Постепенно ведро пополнялось рыбой. Минька уже не мог переносить улов места на место. А я торопился заходить в воду, поэтому хватал ведро и сам переносил его к своему концу бредня.

Мы прошли уже большую часть намеченного участка, когда нас разыскала Аля. Она удивилась, что я мокрый, а Витька сухой и посмотрела рыбу в ведре. Я начал новый заход и перед поворотом к берегу впервые попал в яму. Я мгновенно потерял дно под ногами и поплыл, не выпуская невода из руки. Виктор кинулся было меня спасать, бросив невод, но я закричал ему:

- Тяни бредень, я его не выпущу из рук.

Теперь я стал весь мокрый, до шапки, а Виктор – до пояса.

- Растяпа! - кричал он. – Так и утонул бы, если бы не я. Неумеха. Сейчас я покажу. как надо проходить глубину.

Братец был на две головы выше меня. Для него эта яма была проходимой, мы вернулись к началу тони и поймали, наконец, трёх хариусов вместе с несколькими ельцами.

Алька разведала, что ей было нужно, и убежала. Вот уж, наговорит она маме страстей! Мы пошли дальше прежним порядком: я в глуби, а братец – у берега. Хариусы попадались далеко не в каждой тоне. Витькин показ не прошёл даром: я рассмотрел кое-что полезное и старался применять. Вымокший Виктор не выдержал охлаждения на воздухе. До конца намеченного участка ловли оставалось сделать с десятков заходов, но он дал команду: «Домой».

Путь наш лежал мимо моего дома, но Виктор потребовал идти к его дому, так как надо вернуть сапоги и портянки, а также донести тяжёлый невод и ведро с рыбой, а может быть и Миньку – так сильно тот устал.

Нас ждали дядя Андрей, тетя Настасья и сёстры Виктора. Его быстро раздели и растёрли докрасна. Сменили ему одежду. За это время я, на крыльце, стянул с себя сапоги. Выжал носки и портянки. Снова обул влажные носки и засунул ноги в свои калоши. Потом вылил воду из сапог. Внёс чужие вещи в дом и положил перед кладовкой.

В доме было тепло. Оно меня постепенно обволакивало покоем. Я сидел в одиночестве на лавке и подрёмывал.

Кажется, Виктор что-то объяснял мне о паях, но я плохо соображал. Он дал мне бумажку с вот такой таблицей:

	Паи для Конных	Паи для Знаменского
Невод	11	1
Ведро	1	0
Обувь	1	0
Портянки	1	0
Рыбаки	2	1
Обучение	1	0
Итого	18	2
Доли	9/10	1/10

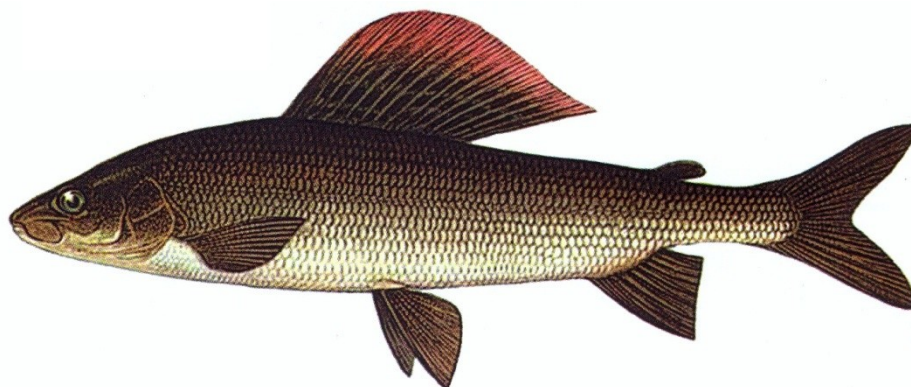
Я автоматически засунул её за пазуху в сухое место и вынул авоську. Мне зачерпнули из ведра суповую миску рыбы. Тут я проснулся: « Это всё?». «Да,- убеждённо произнёс дядя, - точно по паям».

Тётка Настя вошла в комнату и, увидев моё лицо, сказала:

- Вы что творите! Дайте его долю хариусами.

- Я не жадный, - сказал Витька, бросая в авоську дополнительно два хариуса.

Хариус

Я ушёл, забыв попрощаться.

Сейчас, когда страна плавает в капитализме, действия моей родни назвали бы приватизацией средств производства (бредня) и распределением доходов по количеству голосов (паёв). А тогда мокрый я ни о чём не думал, а бежал, чтобы сохранить тепло, накопленное в доме дяди. К своему дому я снова разогрелся изнутри и уже ощущал, как испаряется вода снаружи одежды.

Мама растёрла меня сухой шерстяной рукавицей. Обрядила во всё сухое и напоила чаем до пота. Только после этого посмотрела, наконец, улов и спросила: «Это всё?». Я кивнул головой.

Я уже засыпал разморённым, когда заметил слёзы, стекающие с её щёк на обрабатываемую рыбу. Жаловаться на происшедшее было некому.

Папа пытался узнать подробности, но я не хотел рассказывать, как меня обманули. Отец подумал и сказал, что это артельное дело.

- Я, - сказал он, - вмешиваться не буду, чтобы не навредить. - И добавил, подумав. - Не только тебе.

Через день пришёл Витька. Он спросил, пойду ли я на рыбалку, или она сорвётся. Бродить в воде могли только мы с Витькой. Василий был выше этого, а у Владимира были повреждены ноги. Зная это, я ответил:

- Пойду, если распределим улов по-другому. - Я дал ему такую таблицу:

	Баллы для Конных	Баллы для меня
Дель (посадка)	3	0
Тетива	0	2
Нитки нулёвка	0	1
Грузила	1	1
Поплавки	2	0
Мотня	0	2
Итого невод	6	6
Ведро, авоська	1	1
Рыбаки	2	2
Всего	9	9
Доли	$\frac{1}{2}$	$\frac{1}{2}$

Витька ожидал изменений, но делить улов поровну не хотелось. Он забрал записку и скрылся. Решил посоветоваться со своим отцом.

Много позже он рассказывал мне, что тётя Настя запретила менять расклад, выработанный мной, назвав их обоих беззастенчивыми негодяями.

Теперь мы неводили, меняясь местами. Аля исправно таскала ведро, а потом и авоську, куда под конец набралось рыбы с полведра. Минька волок колёса, специально изготовленные, чтобы можно было транспортировать мокрый бредень одному Виктору.

Когда остановились у нашего дома, Витька начал было делить рыбу поровну. Но это требовало времени, а мне хотелось быстрее согреться.

- Погоди, - сказал я, - на этот раз поделим не по паям, а по семьям. Вас, Конных двенадцать, а нас Знаменских - шесть. Значит тебе две трети, то есть - ведро, а нам одну треть - то, что в авоське.

Витька с Минькой увозили невод и свою часть улова, не попрощавшись, так же как я тогда. По выражению лица Витьки было видно, что он ошарашено осмысливает всё происшедшее, а не только результат последнего дележа. Я тоже был доволен. В авоське было больше крупной рыбы.

Я подробно рассказал папе, в чём состоял конфликт и как он завершился. Отец смеялся до слёз и сказал, что Андрей вообразил себя буржуем, но получил сразу два удара от партнёра. Один по доходу, как водится у буржуев, а другой - по совести.

С этого момента отношение дяди Андрея к моему отцу сильно изменилось. Он стал гораздо дружелюбнее. Мне теперь кажется, что он понял: отца и членов его семьи нельзя считать беззащитными.

Узелок 23. Война

В 1941 году я «на все пять» окончил седьмой класс.

Тогда применялась шестидневная неделя с пятью рабочими днями. 22-го июня был выходной день. Моя семья занималась сбором меня в дорогу. На следующий день (23 июня) группе отличников, награждённых местной властью путёвками на Выставку достижений народного хозяйства СССР, предстояло выехать в Москву. А 22 июня перед 16 часами по местному времени московское радио прекратило передачи. Их заменил стук метронома, который прерывался словами, озвученными спокойным голосом диктора Левитана:

- Внимание! Говорит Москва. Будет передано важное сообщение.

И снова тревожное стуканье метронома. Так несколько раз. У репродукторов стали собираться люди. Репродукторы были установлены

на больших площадях и в квартирах. В квартирах это были «тарелки»-диффузоры из губчатого чёрного вещества, окаймлённые металлом. По диаметру располагалось крепление. На нём имелся магнитный вибратор, штырь которого прикреплялся к диффузору. На вибратор подавались сигналы из радиосети. Штырь колебал диффузор, воссоздавая звуки, произносимые диктором где-то в студии.

- Внимание! Говорит Москва. Передаем заявление советского Правительства.

Первый заместитель председателя Совета народного хозяйства СССР Министр иностранных дел В.М. Молотов сделал заявление о нападении фашисткой Германии, вероломно нарушившей мирный договор в 4 часа утра по московскому времени. К моменту выступления Молотова немецкие войска с территорий Румынии, Польши, Германии и Финляндии уже перешли практически всю западную границу СССР. Бомбили многие транспортные и военные объекты. Бомбили Житомир, Киев, Севастополь, Каунас и другие города. Началась война. Она уже названа отечественной войной за Родину, за честь и свободу, и скоро станет называться Великой.

Нас окружали те же люди, но с необычными выражениями лиц. Казалось, даже воздух вокруг стал иным, словно напряженным в ожидании действия. В военкомате создались очереди желающих пойти на фронт. На дверях военкомата висело объявление, разъясняющее, что школьники не подлежат мобилизации, а остальные должны быть не моложе 17-ти лет и не старше 50-ти.

Мальчики - выпускники седьмого класса. Стоят слева направо Серов (?), Воропаев, Знаменский. Сидят: Майнагашев. Барабанов и Шадрин. Май 1941 г.

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ПРОСВЕЩЕНИЯ

ПОХВАЛЬНАЯ ГРАМОТА

Выдана ученику 7-го класса сидячий школы

Алину Трапезникова
(село, город, район и уезд - обязательно)
Знаменский
(фамилия и имя)

ЗА ОТЛИЧНЫЕ УСПЕХИ И ПРИМЕРНОЕ ПОВЕДЕНИЕ

Директор школы А. А. А. А.
Учитель Б. А. А.
Учитель В. А. А.

№ 16 «Май» 1941 г.
№ 1

Хак-ав. обл. Ашкыдаг. ин-ста
АКЦИОНЕР
С.С.С.Р.
П.С.С.Р.
П.С.С.Р.

Я привожу снимок группы мальчиков. На груди некоторых значки «Готов к труду и обороне» и «Ворошиловский стрелок». Это уровень го-

товности к службе в армии. У меня ни одного значка не было. Я пытался сдать нормы, но не достиг требуемого результата. Мой 19-летний одноклассник Барабанов имел все значки высших степеней. Он сразу покинул школу и был мобилизован. Срочно были мобилизованы не только люди, но и лошади. Мобилизовалась техника: автомобили, телеги. Изымались у населения радиоприёмники и телевизоры. (В Москве существовали телевизоры с малюсеньким экраном, кажется 10х12 см). Отца ежедневно вызывали на какие-то совещания, которые часто длились за полночь.

Третьего июля по радио выступил И. В. Сталин. Положение на фронтах было трагическим. Только за первый день войны Красная армия потеряла, например, самолётов 1200 единиц. Но в речи Сталина не было трагизма. «Друзья мои!», - необычно начал он. Ровный, глухой голос, неспешная речь с акцентом и деловые рекомендации, увлекали слушателей. Убеждали, что большие трудности, стоящие перед страной, преодолимы. Речь звучала очень ровно. Её смысл был каждому понятен. Были логичными последние слова: «Наше дело правое. Мы победим». Они стали символами борьбы советского народа с фашизмом.

После войны под моим началом работал пенсионер Мусальников Пётр Яковлевич. Он рассказывал: в начале войны он был одним из руководителей Красноярского крайисполкома и отвечал за мобилизацию и отправку на фронт техники всех видов. Количество видов техники, адреса и сроки отправки были установлены документом за подписью Сталина. Однажды по правительственному телефону предупредили, что с ним будет говорить сам товарищ Сталин.

- Здравствуйте, товарищ Мусальников.
- Здравствуйте, товарищ Сталин.
- Как обстоит дело с отправкой на фронт грузовых автомобилей?
- Заканчиваем мобилизацию. Погрузили на платформы пятьдесят восемь машин. Две находятся в пути, разрешите задержать эшелон на одни сутки.

- Сталин два раза не приказывает. – был ответ, запомнившийся Мусальникову на всю жизнь. Уже то, что Сталин нашёл время для разговора с Мусальниковым, представителем края, далёкого от Москвы, свидетельствовало о доверии к этому представителю и о сложности момента. Машины были отгружены в установленный срок.

Узелок 24. Балан Куль

Стараниями отца нас, обладателей путёвок на ВДНХ, не забыли, и к исходу следующей шестидневки отправили на десять дней в бывший пионерлагерь Балан Куль. Помещения пионерлагеря уже начали переоборудовать для долечивания раненых, которые будут поступать с фронта. Мальчиков и девочек разместили в строениях, где обычно помещались начальство и служба лагеря. В нашем доме были комнаты,

на двух взрослых каждая, и небольшая столовая, которая обслуживала едва ли три десятка клиентов в две смены. Так что девочки принимали пищу в другую смену, что огорчало моего нового приятеля девятиклассника Изяслава, который влюбился в одну из девочек. Она об этом не подозревала. А Изя стеснялся к ней подойти.

Первые два дня погода была необщительная. Всё время моросил нудный мелкий дождь. Такие дожди могли продолжаться весь наш отпуск. Окружающая тайга подёрнулась мутью. Озеро было серым и казалось безжизненным. На тропинках сохранялись лужи. Библиотеки не действовала. Воспитателей не было. Следить за режимом было некому. Впервые я понял, что без них - скучно. Время пыталось войти в бесконечность.

На третий день пребывания на отдыхе мы топтались после обеда на крыльце нашего здания. Вдруг Изяслав запел. У него оказался хорошо поставленный голос – первый тенор. Почти по-девчоночному высокий. Он запел «Ой да ты Кали-и-нушка-а». Эту песню я хорошо знал, конечно, по-любительски. И стал ему вторить, у меня второй тенор, почти баритон. В тех местах, где он брал высокие ноты, я находил низкие и наоборот, кроме мест, где наши голоса звучали в унисон. Вначале он дёргался, но вскоре я понял, как надо подпевать. Он хотел, чтобы я пел громче, но мой голос не смог громко баритонить. Поэтому Изя стал петь чуть тише. А в таёжной тишине и этого было достаточно. Мы давали незапланированный концерт. Калинушку повторили раза три, если не больше. Пели ведь для своего удовольствия. Если я знал другую песню, то был дуэт. Иначе я молчал, а Изя солировал. Его репертуар был великолепен. Так продолжалось, может, несколько часов. Нас ведь некому слушать, - думал я. Но я ошибался. На крыльцо соседнего дома высыпала группа девушек. Дождь прекратился, словно, специально для них. Они перебежали площадку и поднялись на наше крыльцо. Одна из них обратилась ко мне:

- Это вы обладатель дивного голоса?

- Нет. Нет! - Запротестовал я. – Это вот Изяслав имеет такой голос. Я только вторю ему.

- Странно, а Лиза утверждала, что это ваш голос.

Выяснилось, что Лиза судила по возрасту: чем человек старше, тем мужественнее голос. Оказалось, что Лиза – это, как раз, та особа, по которой страдал певун. Я тихонько ушёл в дом, а девочки забрали Изяслава к себе. Петь песни.

Я же подался к прошлогоднему знакомому. Оказалось, что мой наставник-рыболов тоже ушел на фронт. Для меня он оставил удочки, сети и лодку. Его сестра вспомнила меня и передала мне его прощальные слова. Как только погода наладилась, я стал рыбачить. Ещё семь дней прошли, но прошли незаметно. Весь улов я отдавал его сестре. Мне он был ни к чему, а у неё росли два мальчика. Когда я уезжал, то

ей же оставил всё рыбацкое снаряжение. Подрастут дети - смогут рыбачить.

В грузовике, перемещавшем нас в Аскиз, Изяслав и Елизавета сидели рядышком и беседовали, ни на кого не обращая внимания. Шла война. Личные судьбы каждого чудными путями вплеталась в суровую военную действительность страны.

При встрече отец уделил мне лишь считанные минуты. Я был краток. Он выслушал меня молча. Без комментариев. Значит, всё было сделано правильно.

Узелок 25. Усть Ерба

За время моего пребывания в пионерлагере моя семья переехала в деревню Усть Ерба Боградского района. За 200 километров к северо-востоку от Аскиза. Отца назначили заведующим свеклоприёмным пунктом, который надо было создавать с нуля. В Сибири не культивировали сахарную свеклу. Начало война привело к угрозе потери сырья для производства сахара. В одном из колхозов, расположенном в Боградском районе, нашлись энтузиасты и посеяли свеклу на достаточно большой площади. Этот урожай нельзя было терять. Отец должен был обеспечить приёмку сахарной свеклы, её временное хранение и отгрузку на сахарный завод. Он обязан был обеспечить оплату труда свекловодов сахаром и деньгами.

Место расположения пункта было определено у пристани Усть Ерба. В четырёх – пяти километрах от деревни. Там жилища для нас не было. Мы временно заняли в деревне пустующую часть пятистенного дома, чуть меньшую, чем в Аскизе. Вторую часть занимал сапожник с семьёй. Мне нравилось наблюдать, как он ловко пришивал к стельке дратвой верх обуви, а, затем, к ней прибивал подошву шпильками. Шпильки были берёзовыми. Сапожник забивал их молотком в отверстия, оставленные шилом. Получались две-три ровных строчки. Он обещал отцу, возвращая отремонтированные ботинки:

- Год на шпильках проходишь!

Он был прав. Его изделия (сапоги, туфли, ботинки) пользовались большим спросом. Он практически обувал половину большой деревни.

Для обеспечения мобильности отцу передали лошадь Карюху с упряжью и дрожки. Карюха была старой и строптивой. Но отец нашёл причину строптивости: лошадь не терпела удила в пасти. Как только перестали вводить удила, она стала спокойной. Я постепенно выучился ухаживать за ней и запрягать в дрожки, так что стал помогать отцу в качестве конюха

Мы выезжали, например, в колхоз «10 лет Октября» к звеньевой К. Г. Царьковой, о которой позднее газета «Правда» писала, что она собрала 5095 центнеров сахарной свеклы с гектара с участка в 35 га (по 51 кг с квадратного метра!). Я привожу кусок коллажа из фотоальбома «Была война и была Победа», изданного в 2001 г. в Красноярске (с частью снимка и копией письма украинцев).

А в описываемое время звено только начинало осваивать агротехнику возделывания свеклы.

Мы приехали в период прореживания всходов. Колхозницы оставляли в гнезде только одно растение. Они выдёргивали все остальные и оставляли их валяться на земле.

Я спросил:

- Папа, а почему они хорошие всходы тоже выдёргивают.

- Потому, что качественный корень вырастет только тогда, когда он будет один.

Я подумал, что в точности так же оправдывали убой щенят охотничьей собаки.

- Что,- спросил отец, посмотрев на меня, - ты всё ещё переживаешь о щенках?

- Нет, - ответил я, подумав, - теперь уже нет.

Это стало правдой.

В свободное время мы с сестрой и маленькими братьями обходили многочисленные озёра, расположенные в широкой пойме Енисея. В мелководье одного озера обнаружили множество мелких окуней. Они убегали от наших ног, прокладывая мутные дорожки ила. Алька утатила из комода старую кружевную скатерть и, когда мы пришли к этому озеру в следующий раз, предложила ловить рыбу, пользуясь скатертью,

как неводом. Домой вернулись с мелкими карасями – «пяточками», длиной не больше пяти сантиметров каждый. Позже ловлей занимались Аля с Женей. Мне стало некогда.

Узелок 26. Школа в Бограде

В Усть Ербе была только начальная школа. Средняя школа была в районном центре. Село Боград отстояло от Усть Ербы на 50 километров.

Папа привёз меня в село Боград и устроил в обычную школу. В восьмой класс. При школе имелся интернат для детей, оставшихся без кормильца, и детей руководителей крупных хозяйств, удалённых от районного центра. Я к этим категориям не относился, поэтому отец пристроил меня на проживание у своей знакомой за плату. Муку отец доставлял из Усть Ербы. Остальные продукты я зарабатывал у хозяйки, обрабатывая огород, заготавливая дрова, забивая гусей и кур, которых у неё были десятки.

В тёплый период года я ходил домой пешком. Преодолевая это расстояние за 7-8 часов. Дома удавалось быть с полуночи до восьми вечера. На обратном пути ночевал в Знаменке – деревне, расположенной точно посередине пути. С этим селом у меня связаны два воспоминания.

Когда я, в ответ на вопрос о том кто я, называл свою фамилию, меня собеседник упрекал:

- Я спрашиваю тебя не откуда ты, а кто ты.

Приходилось объяснять, что это моя фамилия - Знаменский. Но я не из Знаменки.

Второе воспоминание связано с обычаем: когда временно уходит из дома последний жилец, то на крыльце оставляет прутик, прислонённый к двери. Обычно, увидев такой прутик, я садился на лавку при калитке и ждал хозяйку. Замка на входных дверях не было. Петли для замков были только на амбарных притворах.

Впрочем, в те времена жильцы городских коммунальных квартир оставляли ключи от квартирной входной двери под ковриком при двери или вручали соседям, чтобы те передавали их пришедшему члену этой семьи. Доверие всегда было оправданным и взаимным.

Хотя я и старался учиться, у меня не всё получалось. Трудно давались русский язык, история и физика. Низкая квалификация этих учителей приводила к тому, что урок оставался не понятым. Дома приходилось тему урока учить заново, вместо того, чтобы приводить в порядок знания, усвоенные на уроке.

Учитель истории главное внимание уделял формальному знанию событий. Иной ученик получал пятёрку за механическое перечисление дат. Учитель физики требовал зазубривать целые абзацы. Он вёл урок точно по тексту учебника и не терпел вопросов. А я вылезал с ними, вызывая его неудовольствие. Четвёрки по этим предметам были средни-

ми оценками, начиная с первой четверти. Отец, бывая в Бюграде по делам, всегда посещал школу и выговор мне был обеспечен.

Были конфликты с учительницей географии. Она носила распущенные длинные волосы, поэтому её прозвали Русалкой. У неё было два недостатка. Плохая ориентировка в пространстве (искать Канин Нос она начинала от мыса Дежнева) и обилие туземных слов. Например, она делала мне замечание:

- Ты что там шарабаздишь? - имея в виду шорохи под крышкой парты. Я всегда сидел один на первом ряду в центре, и меня ей было слышно лучше всех. Незнакомые слова заставляли меня улыбаться, а это оценивалось как ехидство и заканчивалось наказанием. Однажды она выгнала меня из класса, провозгласив:

- Я провожаю тебя до дверей!

В то время я был влюблён в ученицу нашего класса и, поэтому, вёл дневник. В дневнике было помещено подробное описание моего изгнания в стихах:

Улыбнись, чтоб было видно.

Сразу скажет: «ты ехидна»

Живо скажет Lollerey:

«Провожая до дверей».

Конфликты этой учительницы были не только со мной. Кончилось тем, что престарелая учительница (кстати, за мои ответы ставившая в журнал только пятёрки) ушла из школы.

Узелок 27. В колхозе

1. Серко

По окончании восьмого класса отец предложил мне на выбор: или помогать ему в бухгалтерском деле или отозваться на просьбу председателя колхоза и помочь в сельхозработах. Я выбрал сельхозработы. С этим отец легко согласился. Председатель обещал за работу оплатить натурой. Меня поставили на перевозку зерна прошлого урожая на пристань Усть Ерба.

Главный конюх оглядел меня и заметил:

- Ему мешок не поднять.

- Пусть поднимают с Иваном Кандыбой. – сказал председатель.

Ваня был столь же тощим, но существенно выше меня. Вдобавок он боялся лошадей. Он прихрамывал на одну ногу, поэтому его прозвали Кандыбой, то есть хромым.

- Вон стоит Серко. – сказал конюх, обращаясь ко мне. - Бери его, и будешь ухаживать за ним, пока работаешь в колхозе.

Я подался к единственному коню, который остался у коновязи, и не обратил внимания на тихое добавление: «Если сумеешь взять».

Я бормотал вслух о несправедливости, что так мы не договаривались. Дополнительно возчиков заставляют поднимать тяжёлые мешки и

складывать их на телегу. А потом ещё и таскать до баржи. Вроде бы уговаривались только на управление лошадью, а не на переноску мешков до баржи и вообще об этом надо потом поговорить с папой. И так далее. Я машинально, как к Рыжухе, подошел к Серку. Машинально же вынул из пасти удила. Набросил седёлку и затянул подпругу, предварительно хлопнув коня по животу. Вернулся к коновязи, дал коню сухарик, и повёл его к телеге. Дальше всё пошло, как полагается. Я закончил запрягать, когда последний возчик скрылся за поворотом. Ваня уже сидел на телеге я примостился с другой стороны, и мы поехали. Оглянувшись, я зафиксировал удивлённый взгляд конюха, который стоял с открытым ртом. Я тоже удивился: с чего бы это?

Мы с трудом загрузили телегу мешками с пшеницей и тронулись в путь последними в обозе. Серко легко следовал за обозом. Мы с Ваней стали разговаривать. Я заметил, что как только я начинаю говорить, Серко поворачивает уши раструбом назад. Чтобы это проверить я подбежал к предыдущему возчику и о чём-то спросил его. Серко наострил уши вперёд.

На пристани мы немного поспорили с Иваном, и я взялся отнести мешок на баржу. На спине он лежал плотно, но ноги мои напряглись. Через несколько шагов ноги стали подгибаться. Последние метры я преодолел в сомнении: не сбросить ли мешок на настил? Когда груз ушёл по лотку в трюм баржи, я почувствовал, как распрямляются мои межпозвоночные и межсуставные хрящи. С дрожащими ногами я повернул назад.

- Ты, парень, не таскай мешки. Надорвёшься. – проговорил пожилой колхозник.

- А нам главный конюх сказал, что нужно самим разгружаться.

- Но не таскать-же. – возразил колхозник. – А Прохорович боялся обидеть тебя. Видишь, вон идёт мужик, вроде бы тощий, как ты. Но он жилистый. Мешок с овсом на плече может нести и не согнётся. Я вот крупнее его, но семьдесят килограммов могу нести только на бедре. Не обижайся на Прохоровича, а складируй мешки вон на том помосте. Мы их приберём, пока вы ездите.

До обеда мы сделали три рейса. В обеденный перерыв задали коням овса в торбах, мешках, надеваемых на головы коней. Когда начали собираться обратно, вокруг нас сгучились молчащие возчики. Они чего-то ожидали. Я сказал коню на ухо потихоньку: «Пойдём на водопой». Снял торбу и повёл его к водопою. Подошёл Ваня. Мы выехали первыми.

Оказалось, что Серко считался очень строптивым конём. С ним управлялись только опытные мужики. Но они давили на него своей силой (побоями) и массой тела. Строптивость его имела ту же причину, что и строптивость Карюхи. Я, не зная этого, по привычке повел себя с ним, словно с Карюхой, и не возбудил его строптивость чисто случайно.

Мне понравился этот приземистый, сильный и выносливый конь. Уступать его кому-нибудь мне не хотелось. У меня хватило мозгов, чтобы не раскрывать свой секрет.

После первого рабочего дня я вздумал его почистить. Он всё поворачивал голову, посмотреть, что я делаю. Видно, что его давненько не чистили. А когда я перешёл к щекотным местам он только подёргивал кожей и фыркал, но не противился. После чистки он остался серым. Появились лишь светлосерые яблоки на боках. Хвост и грива, которая была стоячей на ширину моей ладони, были чёрными. Я обрезал ножницами чёлку, чтобы не закрывала глаза и, получив толчок головой коня, упал на настил.

- Ты что, одурел совсем! – ворчливо, негромко произнёс я, - Что я тебе плохого сделал?

Я поднялся и отряхнул одежду от прилипших опилок. Конь стоял в странной позе. Он опустил голову до земли, смотрел на меня из-под полуприкрытых глаз. Задние ноги согнуты в полуприсяде. Хвост прижат к ногам. «Зайчик» - мелькнуло в голове. Конь, у которого вес в двадцать раз больше моего, покорно ожидал побоев. Я успокоил его, говоря в его ухо: «Ты мой самый лучший конь!». Потрепал по холке. Он выпрямился и стал быстро перебирать ногами, словно собрался плясать. Когда я покидал конюшню, услышал короткое ржание: мой конь провожал меня, подняв голову.

В конюшне уже никого не было, и эпизод остался между нами.

Отец выслушал мой рассказ о коварности председателя колхоза и сказал.

- Ты был невнимательным. Прохорович же сказал «разгрузить», а не «перегрузить». Чувствуешь разницу?

- Да. Но если бы я не возмутился, то моя встреча с Серко могла кончиться по-другому.

2. Жатва

После перевозки зерна мы развозили уголь от баржи по подворьям. Я понимал, что с началом учёбы расстанусь с конём, поэтому приобщал Ваню к вождению, к уходу за лошадью. В стране было обязательным семилетнее среднее образования. Ваня его получил, а дальше учиться не хотел. Поэтому у него был практический интерес стать конюхом для Серко. Постепенно Серко стал слушаться Ваню так же, как меня, а тот преодолел свою боязнь лошадей. Я и от него скрывал свой секрет до предстоящего момента расставания.

Настало время комплектовать бригаду для уборки нового урожая. Бывалый бригадир потребовал, чтобы в его бригаде был Серко. В прошлую уборку он хорошо показал себя. Пришлось взять в бригаду и меня потому, что Серко закреплён за мной. «Не выдержит - отправлю домой», - пробурчал бригадир. Но зря он так. Теперь заменить меня было

не кем. А я сработался с Иваном и попросил его тоже включить в бригаду. Так мы втроём попали на уборку урожая пшеницы.

Поля в колхозе располагались в степной и горной частях территории. В степной части уборку осуществляли комбайнами «Коммунар» Ростовского завода. Комбайн не имел собственного двигателя. Его механизм приводился в действие от колёсного трактора, который его перемещал по полю. В одной из частушек были слова:

Комбайн косит и молотит

И солому приберёт...

Комбайн выдавал влажное зерно, которое приходилось досушивать на току.

В горной части было невозможно применять комбайн: слишком велики были поперечные уклоны. Комбайн мог опрокинуться, да и распределение колосьев по молотильному устройству смещалось к одной стороне. Здесь приходилось выполнять раздельно и косьбу, и сушку и молотьбу, да ещё и перевозить срезанные колосья к месту молотьбы. Для этого бригада и создавалась. Она должна была выполнить каждую работу в своё время, чтобы просушить зерно солнцем и ветром ещё на поле в срезанных растениях. Затем свозить солому с колосьями на место обмолота. При хорошей погоде обмолоченное зерно досушивать не требовалось. А обмолачивать можно не спеша. По погоде.

В бригаде было десять лошадей. Четыре (в том числе Серко) были запряжены в длинные телеги с перилами (фуры), четыре лошади везли лобогрейки, а две были запасными. Люди, продукты и вещи были распределены по фурам так, что нагрузка была одинаковой.

Не помню, как вышло, что нас с Иваном включили в состав женской группы вязальщиц. Меня обучили вязать снопы. Это было достаточно мудрено. Пшеница была ростом выше человека. Требовалась сноровка, чтобы схватить такой длинный пучок растений, связать его и успеть уйти с полосы до прибытия следующих косцов. Три лобогрейки уже вышли на край поля, а четвёртая все не могла выйти. Пришлось отказаться от бушующего Серка и припрячь запасную лошадь. Каждую лобогрейку тянули парой лошадей. Последняя пара оказалась слабой. Она тормозила работу бригады. Меня призвал бригадир и велел припрячь Серка в лобогрейку. Ему парой оказалась ещё более мощная си-
вая кобылица. Спокойная, до тупости. Я сказал бригадиру:

- А можно, чтобы со мной работал Ваня Кандыба? – Спросил я. Мне хотелось работать со знакомым партнёром.

- А вы что скажете? – спросил тот у колхозниц.

- Ой, как хорошо! – ответили те хором,

- Мне привычнее на вязке снопов, - сказала одна.

- Мне тоже, - сказала другая.

Видно, обе были впервые на местах колхозников, ушедших на фронт. Бригадир согласился. Колхозницы убежали к сноповязам за Иваном и на привычные рабочие места.

Ваня испугался вначале. А потом рассмотрел лошадь, поласкался к ней и Сивке и поблагодарил бригадира.

- Не болтай. Ещё неизвестно, выдержите ли оба. - Ответил тот и удалился.

Лобогрейка представляла собой обычную конную сенокосилку, к корпусу которой было пристроено второе сидение, а к кожуху пилообразного ножа были прикреплены дощечки, имеющие длину более метра. Теперь при косьбе стебли пшеницы падали не на землю, а на площадку, которая продолжала передвижение их вместе с ножом. Они накапливались на площадке, ожидая, когда человек, сидящий сзади ведущего, столкнёт на землю всю кучу граблями. От частоты сталкивания зависел размер снопа. Человек вынужденно соблюдал темп движения рук, задаваемый скоростью движения агрегата и требованиями вязальщиц. Скорость движения была тоже ограничена. При малой скорости забивался режущий аппарат. Никакой возможности для отдыха мышц. За это и называли механизм лобогрейкой. «Греющие лбы» мечтали о замене их труда машиной. Люди изобрели машину, которая сама «лобогрела», и называли её жаткой. Но в колхозе жаток ещё не было.

Я устроился на переднем месте, а Ваня на заднем. В руках у него грабли, но не такие, как обычно. Гребущая часть у них прикреплена к рукояти под косым углом и за один конец, а не посередине. Она полностью охватывает ширину площадки. Я управлял движением лошадей так, чтобы нож чисто срезал колос на всю ширину полотна. Лишь изредка я оглядывался на Ваню, чтобы поучиться. В конце гона мы поменялись местами. Тут я понял, почём фунт лиха! Моих коротких рук не хватало на длину колосьев. Приходилось перемещать туловище. За это время колосьев нарезалось много больше, чем требуется на сноп. Вязальщицы громко ругались, но я никак не мог приспособиться. Бригадир подошел к Ване и что-то ему сказал. Вдруг мне стало легче. Я начал успевать! К концу гона я был весь в поту, но зато меня не ругали. Когда менялись местами, Ваня сказал, что бригадир велел ему уменьшить захват, что и помогло мне поддерживать нужный объем колосьев для снопа. Пусть с поблажкой, но мы выдержали!

Через несколько дней срезка колосьев завершилась. Поле приняло вид, который теперь вряд ли в наше время удастся увидеть. Поэтому привожу картину А. Г. Венецианова «На жатве. Лето 1820 гг.» (см. следующую страницу). На среднем плане картины можно разглядеть участок поля, уставленный суслонами. Наше поле выглядело очень похоже. Только суслоны были повыше, располагались почаше и занимали всю котловину.

Потом мы перевозили снопы к месту обмолота и укладывали их в скирды. Тут обнаружилось, что я правильно укладываю снопы. В отсутствие мужиков это ценилось. Меня научили вершить скирд. Я успел соорудить два скирда. Первый скирд, правда, получился кривоверхим. Зато приметным.

Мы вернулись домой в середине сентября. Но я не опоздал к началу учебного года, так как оно было отложено на три недели.

Узелок №28. Школа в Бограде

Девятый класс был укомплектован, в основном, девочками. Часть мальчиков ринулись на войну. Я сознавал, что такой малосильный не смогу принести той пользы, какую принесут мои физически развитые сверстники. Нужно было подрасти и набраться сил.

Моя хозяйка квартиры загрузила меня хорошо. Вместе выкопали картошку. Обсушили её и перебрали, отделив мелочь на корм свинье. Ссыпали в подполье. Я забил всех гусей и бесконечный выводок кур. Откуда-то появились более десятка кроликов. Забил и кроликов. Привезли уголь и вывалили его у крыльца. Пришлось переносить в ларь, во двор дома. С соседом съездили по дрова. Привезли по возу берёзовых брёвен. Начал пилить их на чурки, колоть на поленья и складывать в поленницу вдоль забора. Всё это, как и в прошлом году, подготовка к зиме.

К середине октября, когда ещё оставались целыми половина брёвен, приехал отец и велел собираться домой. Его призвали на службу. Дома оставалась мама с тремя детьми: Алей, Женей и Лёвой. Дому нужен был кормилец. Так прервалось моё образование.

Я снова пришел в колхоз. Теперь бригадир принял меня на работу охотно. Мы выехали к скирдам. Я искал взглядом «свои» скирды, но так их и не нашел. Около одного скирда стоял комбайн «Коммунар» и колёсный трактор. Мы разместились в двух больших шалашах, сделанных ещё летом и теперь укутанных в брезент.

А.Г. Венецианов. На жатве. Лето 1820-е гг.

Моя хозяйка квартиры загрузила меня хорошо. Вместе выкопали картошку. Обсушили её и перебрали, отделив мелочь на корм свинье. Ссыпали в подполье. Я забил всех гусей и бесконечный выводок кур. Откуда-то появились более десятка кроликов. Забил и кроликов. Привезли уголь и вывалили его у крыльца. Пришлось переносить в ларь, во двор дома. С соседом съездили по дрова. Привезли по возу берёзовых

брёвен. Начал пилить их на чурки, колоть на поленья и складывать в поленницу вдоль забора. Всё это, как и в прошлом году, подготовка к зиме.

К середине октября, когда ещё оставались целыми половина бревен, приехал отец и велел собираться домой. Его призвали на службу. Дома оставалась мама с тремя детьми: Алей, Женей и Лёвой. Дому нужен был кормилец. Так прервалось моё образование.

Я снова пришел в колхоз. Теперь бригадир принял меня на работу охотно. Мы выехали к скирдам. Я искал взглядом «свои» скирды, но так их и не нашел. Около одного скирда стоял комбайн «Коммунар» и колёсный трактор. Мы разместились в двух больших шалашах, сделанных ещё летом и теперь укутанных в брезент.

Трактор долго не заводился. Потом кашлянул несколько раз, пуская волнующиеся кольца дыма, и затарахтел. Завертелись шкивы трактора и комбайна. Залопотали соломотрясы и началась молотба. Мы с ребятами подавали снопы на загрузочную площадку. Там двое женщин развязывали сноп и рассыпали его на полотно соломотряса. Под комбайном девушки, закутанные до глаз, отгребали солому в сторону. Ручейками потекло зерно в мешки. Наполненный мешок отодвигал мужик и баба завязывала его. Она устанавливала новый мешок, пока мужик укладывал наполненный мешок в штабель.

Не помню, как получилось, что я осваивал все операции, кроме работы на комбайне и под соломотрясом. Скорее всего, партнёров не устраивала моя малая сила и они спихивали меня на другой процесс. Самой напряжённой оказалась работа на загрузочной площадке. Не зря временами оттуда проходил сигнал и приводной ремень, словно случайно, слетал со шкива. Комбайн замолкал и все получали передышку.

После завершения работы молотильный агрегат перемещался к другому скирду.

Вскоре работа была закончена. Целый обоз пшеницы потянулся домой. Этот хлеб был самой последней частью урожая. Его раздавали на трудовень. По военному времени трудовень отоваривался в два раза меньшем размере, чем в прошлом году. Все понимали, что так надо. Остатки зерна увезли государству. Меня опять прикрепили к моей лошади. До конца декабря мы вывозили зерно: пшеницу, овёс, гречку и просо. Но теперь обоз следовал до станции Сон. Там был пункт Заготзерно при железной дороге.

За свою работу я получил разного зерна, которого, если не шиковать, могло хватить месяца на три - четыре. По совету отца мешок пшеницы я смолот на мельнице. Остальное мы намечали сами молот в муку и крупу на ручной жерновой мельнице, которую приобрели, когда ещё жили в Аскизе.

Узелок №29. Призыв

В декабре 1942 г. я получил повестку, приглашающую на призывной пункт. В деревне набралось призывников больше десяти. Колхоз нам устроил торжественные проводы с вином (самогоном) и шествиями. Когда мне поднесли стакан вина, я смутился. Аля сказала маме:

- Мама, он никогда водку в рот не брал. Он же опьянеет!.

- Ничего, - печально отвечала мама. - Он стал взрослым. Пора ему знать.

Эти слова меня подстегнули, и я залпом выпил до дна. Ничего не почувствовал, так как кто-то засунул мне в рот солёный огурчик, который пришлось прожевать и проглотить. Я фонтанировал прибаутками, шутками. Вокруг меня образовался потешающийся народ, поощрявший мои слововерчения. Наконец пришли на конный двор. Там стоял очередной обоз с четырьмя подводами для нас.

Посмотрите на сканкопию с репродукции картины «Зимой». Там изображены «легковые сани». Уберите с них сиденье и перильца и вы получите сани - розвальни. На таких санях и предстояло разместиться призывникам.

Председатель колхоза предложил выпить «на посошок». Мне опять поднесли стакан самогонки и с очередным огурчиком. Все на минуту сели на снег. Потом мы начали рассаживаться на сани. Меня кто-то вставил в чужую огромную козью доху и затолкнул в сани на свободное место. Дальше я отключился. Пришёл в сознание от того. Что меня немилосердно толкали под бока. Ребята валенками пинали меня, чтобы побудить. Доха же не только защищала от холода, но была и непробиваемой. Наконец я встал на ноги и меня проводили до саней.

А произошло следующее. Я долго дурачился и требовал хором петь песни. Сначала пели. Не только в наших санях. Потом я замолк. Призывники заговорили с превосходством: «Для нас пара стаканов ничто, а пацана развезло». Далее про меня забыли. Я постепенно скатился с саней и продолжал спать на недвижимой дороге. Но Серко (нас вёз этот замечательный конь!) остановился. Он не подчинялся понуканию и оглядывался, показывая, что потерялся груз. Наконец, ребята спохватились: «Где этот пацан?» и нашли меня шагах в двадцати от саней. Далее, до самого Богграда, я отсыпался, привязанный к саням. Рассказывая мне об этом, ребята не скрывали презрения. И сам я всё сильнее чувствовал своё бессилие перед «зелёным змием», недостойное будущего воина. Отец тоже меня осудит. Стыдно.

Мне и ещё одному призывнику отстрочили призыв на неизвестное количество дней. Мы возвращались ночью тем же обозом. Вёл его Ваня. Он имел белый билет (полную свободу от призыва). Домой лошади шли рысью. Мы долго толковали о делах своих. Иван говорил о том, что он стал помощником старшего конюха. «Надо бы после войны поступить в техникум на заочное отделение. Хочу стать ветеринаром. Животные меня любят. Ты научил меня дружбе с ними». Я отвечал, что поступать надо сейчас, а то после войны нагрянут бывшие солдаты и будет трудно поступить. Приехали мы ночью. Возок с кучей возвращённых дох, тулупов и полушубков оставили на конюшне. Владельцы сами разберутся.

Никто нам, отсрочникам, предоставлять работу не решился. Ко мне обратился Максим, мой рыболовный артельщик.

- Помоги мне проверить уды. У меня их дюжина. На протоке Енисея.

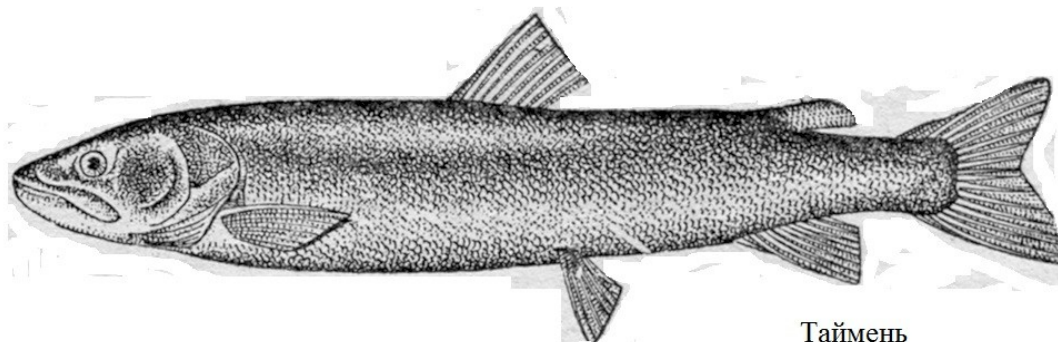
Дюжина – это двенадцать. Выпросили у председателя старую клячу, запрягли в розвальни и тихим шагом спустились на лёд и так же поехали дальше.

Уды – это большие крючки, привязанные к толстой леске - шнуру. На крючок насаживается живая рыбка. Максим насаживал вьюна. Он жесткий, живучий и хорошо держится на крючке. Другой конец шнура привязывают к колу, который втыкают в дно реки. Рассчитывают, что рыба не сможет его выдернуть. Зимние уды ставят в прорубь маленького диаметра (лунку) и оставляют на ночь. Прорубь замерзает и дополнительно удерживает снасть.

Не помню, что уловили другие уды. Но эта, последняя, запомнилась. Сквозь тонкий лёд в лунке виднелось не дно, а что-то почти чёрное, выходящее за обозримые пределы тонкого льда в замерзшей лунке. Пришлось долбить лёд пешней, чтобы расширить лунку. А лёд уже был полуметровой толщины. Несколько раз полагали, что прорубь достаточна, но рыба в неё не протаскивалась.

Наконец голова рыбы показалась из льда. Максим побоялся, что может не выдержать крючок, или леска. Поэтому открепил возжи от лошади и завёл их вокруг головы рыбы за жабры. Концы возжей привязал к саням и велел мне потихоньку вести лошадь под уздцы, а сам остался следить за ходом извлечения.

Это был великолепный таймень примерно двухметровой длины и весом, наверное, 60-70 килограммов. Вдвоём мы его уложили на сани. Он занял всю длину саней, а хвост ещё касался дороги.

Посмотреть на чудо сбежалось полдеревни. Максим определил себе голову рыбы для чучела. Он наделил кусками рыбы всех своих многочисленных родственников. Я согласился на кусок мякоти весом килограммов пять. От большего я отказался: далеко нести до пристани.

Мама осмотрела добычу и сказала:

- Наверно мясо жёсткое. Давайте изрубим в фарш, налепим пельменей и нажарим котлет.

Так и сделали. Вообще-то таймень относится к лососёвым рыбам. Его мясо нежное, жирное и вкусное. Но маме лучше знать. Изготовили фарш. А изделия я не успел даже попробовать. Приехал посыльный и увёз меня к обозу: пришла вторая повестка на воинскую службу. По дороге я узнал, что конь Серко тоже мобилизован.

Узелок №30. Конец пути отца

Я принял воинскую присягу 23 февраля 1943 г. будучи курсантом Ярославского интендантского училища, эвакуированного в городе Омск. С отцом у нас была редкая переписка. В последнем письме, полученном в марте 1943 года, отец советовал соблюдать законы государства. Следовательно – надо их знать. В Армии законы – это уставы. Я понимал их содержание и легко исполнял. Поэтому в мае мне было присвоено звание младшего сержанта. Сохранилась маленькая фотография Красноармейского ансамбля песни и пляски Ярославского интендантского училища, где я зафиксирован с новыми знаками различия.

Красноармейский ансамбль песни и пляски Ярославского интендантского училища, г. Омск, 1943 г. Младший сержант Виталий Знаменский стоит шестым в верхнем ряду.

В этом ансамбле песни и пляски я пел вторым тенором, а в строю был запевалой. В ансамбле мы пели хоры из опер Запорожцы за дунаем (Направника), Демон (Рубинштейна), украинские и русские песни. Впервые исполняли новый Государственный гимн.

После войны я по слуху играл песни и танцы на гармошке и аккордеоне и был признателен танцорам, когда они предпочитали мою игру. Так, что возмущение отца ошибочным приговором музыканта, вынесенным моему слуху много лет назад, было оправданным.

Отец почему-то прекратил переписку со мной ещё в период моей службы в училище. Из редких писем мамы я узнал, что он призван не в Армию, а на трудовой фронт, на строительство Абаканского сахарного завода. Он плохо себя чувствует. У него очень много работы.

В августе 1943 г. младший лейтенант В. А. Знаменский получил назначение на северный фронт. Судьбе было угодно перенаправить мой путь в Москву. Я стал адъютантом заместителя начальника Главного разведывательного управления Генерального штаба Вооруженных сил страны. Мне был положен хороший паёк, половину которого я аттестовывал маме до конца войны. Однако служба моя оказалась нестабильной: полевые почты часто менялись, поэтому связь была односторонней – только от меня.

В мае 1945 г. после Победы над фашистской Германией я получил телеграмму, заплутавшую в полевых почтах. Ещё в октябре 1944 г. мама извещала меня о смерти моего отца.

Командование пошло мне навстречу и предоставило двухнедельный отпуск. Я следовал в санитарном поезде, поэтому затратил время только семь дней (обратно – двенадцать дней). Нас обгоняли лишь воинские эшелоны, следовавшие на восток.

Дома узнал, что отец умер в больнице села Боград от кровоизлияния в мозг и похоронен там же. Мама считала, что он погиб от работы на рудовом фронте. Эти погибшие не числятся в списках жертв войны. Семья переехала в г. Абакан. Давние аскизские знакомые, занимающие теперь влиятельное положение в Абакане, помогли устроиться на работу с предоставлением жилья. Аля поступила на курсы ветеринарных фельдшеров. Братья учатся в школе. Семья бедствует. Я пошёл в горсовет с просьбой о помощи. Привёз два пуда муки и что-то ещё. На некоторое время хватит, а там я рассчитывал уволиться в запас и начать работать. Но уволили меня почти через два года.

Послесловие.

Я был рядом с отцом своим лишь первые 16 лет своей жизни. Если мои воспоминания позволят вообразить читателю образ этого необычного человека, то я посчитаю выполненной задачу, которую передо мной поставил мой сын Сергей. Удалось бы найти еще и другие фотографии. Тогда можно было бы насытить изложение реальными иллюстрациями того времени. С тех пор, как себя помню, прошло 85 лет. Что-то переосмыслено, что-то забылось безвозвратно.

Своей жизнью я не посрамил памяти своего отца Александра Филипповича Знаменского.

А теперь я покажу, каким был сын Александра Филипповича в 1947 году (март) и в кого превратился теперь в 2012 г. (март).

Оглавление

Воспоминания.....	1
Узелок 1. Револьвер.....	3
Узелок 2. Угрозы.....	4
Узелок 3. Новокузнецк. Жилища.....	5
Узелок 4. Папина работа.....	7
Узелок 5. Как отдыхали.....	9
Узелок 6. НОТ.....	11
Узелок 7. Без отца.....	12
Узелок 8. Дом технического творчества.....	13
Узелок 9. Страшный сон.....	14
Узелок 10. Школа в г. Сталинске.....	15
Узелок 11. Лезвие бритвы.....	17
Узелок 12. Иван Николаевич.....	17
Узелок 13. За городом.....	18
Узелок 14. Щенки.....	20
Узелок 15. Плавание.....	21
Узелок 16. Молния.....	23
Узелок 17. Парашют.....	23
Узелок 18. Часы.....	26
Узелок 19. В Аскизе.....	27
Узелок 20. Огород.....	28
Узелок 21. Рыбалка.....	29
Узелок 22. Бредень.....	31
Узелок 23. Война.....	35
Узелок 24. Балан Куль.....	38
Узелок 25. Усть Ерба.....	39
Узелок 26. Школа в Бограде.....	41
Узелок 27. В колхозе.....	42
1. Серко.....	42
2. Жатва.....	44
Узелок №28. Школа в Бограде.....	46
Узелок №29. Призыв.....	48
Узелок №30. Конец пути отца.....	51
Послесловие.....	52